№303.
А 3602 Рос И-4/1-857

КАЗАКИЯ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

3-4 (9-10)
1936

Центральный государственный
архив Октябрьской революции
и соц. стр-ва СССР
Ф. 7030 оп. 3 ед. хр. № 2432

Казачье Национальное Движение не является политической партией, а является национальным движением

Казачье Национальное Движение об'единяет всех Казаков без различия их принадлежности к той или иной Казачьей Области

Казачье Национальное Движение об'единяет Казаков не на основе общности политических социальных и религиозных убеждений, а на основе общности стремления к Свободе и Независимости Казачества

Казачье Национальное Движение зовет всех честных сынов Казачества, готовых исполнить свой долг перед своей Казачьей Родиной, в свои ряды!

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ ВК КАЗАКОВ НАЦИОНАЛИСТОВ.

Отдел публицистический:

1. ФЕДОРОВ, С. А. Д-р, инж.: Казачья Нация (5, окончание).
2. БАЛИНОВ, Ш. Н.: К вопросу о целях политических и организационных ВК Казаков Националистов.

Отдел исторических материалов:

3. ЩЕРБИНА АФ. проф.: Пережитое, передуманное и осуществленное.
4. АКИМОВ, В. В.: О причинах Булавинского восстания.

Отдел литературный:

5. БАЛЫКОВ, С. Б.: „На пепелищах“ (рассказ).
6. ЕЛИСЕЕВ, В. П.: „Паук“ (рассказ).
7. КОШКИН: „Вперед“ (стихотворение).
8. ТАВЛИНЦЕВ: „Песнь проводов“ (рассказ).
9. СТАРОВЕРОВ: „Скверный фельетон“ (повествование).
10. ТЕРЕК, А. „Вольному Казачеству“ (стихотворение).
11. ЛОПУХ, Я. И.: „На смерть И. И. Томаревского“ (стихотворение).
12. ЛОПУХ, „Христос Воскрес“ (стихотворение).
13. ЕГОРОВ, „Где мне искать покой“ (стихотвор.).
14. † ТОМАРЕВСКИЙ, И. И.: „Кем мы должны быть“ (стихотворение).
15. ШЕВЕЛЬ, ГНАТ: „Надія“ (стихотворение).

Жизнь Казачества за Рубежом:

16. „На втором докладе Билого“.
17. В Париже.
18. Казачий клуб в гор. Брно.
19. На Д-Востоке.
20. В Белграде.
21. „У сусіда хата . . .“
22. О чем говорят в „Казачьем Париже“.
23. В Софии.

Отдел организационный:

24. Приговоры, окружной с'езд К. Н. в Чехословакии и пр.

Отлики:

25. ЧИГИН, И.: „Казак-Казакам“.
26. „Голос не вольного Казака“.
27. С. А. К. „Злоба дня“.
28. „Казаки на экране“.
29. Письмо в редакцию и пр.
30. „Было бы смешно, еслиб не было так грустно“.

Журнал „Казакия“ никому бесплатно выєылаться не будет. Станичники, ваша скромная помощь, (подписка на журнал) даст возможность издавать его регулярно. Подписную плату пересылать окружным Атаманам и Предст. Центр. Правления. Последние пересылают на имя председ. Ц. П. — П. Н. Кудинова — София, „Царь Симеон“, 5.

Рос 4-4/1-857

КАЗАКИЯ-КОЗАКІЯ-KOSAKIA

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией: С. БАЛЫКОВА, Г. ЕРЕМЕНКО И Ф. ОБОЛЕНСКОГО.

№ 3-4 (9-10) ◎ Февраль-март 1936 года Болгария. София, Царь Симеон, 5 ◎ № 3-4 (9-10)

ГОСУДАРСТВЕННА БИБЛИОТЕКА 13 ОТДЕЛ им. В. И. Ленина

67-342

От Центрального Правления ВК — Казаков Националистов

§—1. Подвергаясь с двух сторон серьезной опасности, предчувствуя неизбежный при этом конец своего владычества, встречая эту грозную опасность без определенных и сильных союзников во вне и с опасными настроениями населения внутри, озабоченные необходимостью укрепить свое положение в стране и уменьшить ряды врагов извне — советская власть принимает в последнее время ряд экстренных мероприятий:

а) Она чуть-чуть ослабила петлю на шее народа: колхозникам разрешила иметь крохотную собственность ввиде огородика, курочек, кроликов и одной коровы, разрешила вольную покупку предметов питания, пустила слух о, якобы, готовящейся к обнародованию конституции, взяла на узду своих коммунистических администраторов, проводит ряд правительственных флиртов с представителями различных отраслей промышленности и национальностей, одаривая их часами, браслетами, граммофонами и орденами.

б) Одновременно с этим, советская власть ведет интенсивную пропаганду среди европейских держав о том, что коммунистическая власть становится нормальной государственной властью.

в) В дополнение к этим мероприятиям, она пустила в среду эмиграции целую армию агентов-вербовщиков, которые рыскают по всем уголкам эмигрантского рассеяния и в уши тоскующих и страдающих изгнанников поют песни о том, как хороша, нормальна и безопасна стала жизнь в советской России, как Сталин спасает ее от раздела, как буйно расцветает промышленность и т. д.

г) В качестве идейного руководителя и об'единителя этой армии провокаторов, выходит в Париже сменовеховская газета „Россиянин-Пореволюционер“. Излишне говорить о том, что там пишут новые слуги коммунистов, совершенно никому неизвестные лица с чисто коммунистическими фамилиями, вроде — Цимбалюк. В этой газете обращено внимание и на казачью эмиграцию. Оказывается, что Сталин наилучшим образом . . . разрешил казачий вопрос! . . „Раньше казаки были слугами царя, а теперь будут казаками советскими . . .“

Дорогие станичники! . . Мы думаем, что вам не нужно говорить о том, как „разрешил“ Сталин казачий вопрос. Каждый из вас помнит сталинскую „ликвидацию казачества, как класса“ и многие из вас получают письма от немногих, оставшихся в живых, родственников, рассеянных по всем гибельным уголкам России. Никто из вас не смеет забыть, как на местах наших казачьих хуторов, как поганки после дождя, выросли села мужичьи! . .

Здесь мы считаем своим долгом предупредить вас, дорогие станичники, о том, что злейший и беспощадный враг снова подкатывается к вам с лестью и ложью на устах. Враг чувствует опасность, он знает — с кем и где будут Казаки в нужную минуту, он знает — какую роль могут сыграть организованные казачьи националисты и пускает в ход все средства, чтобы выманить вас из недоступных им мест и замуровать по своим смертельным концлагерям . . .

С великим напряжением выдержав на чужбине ужасные 17 лет, не поддайтесь, братцы, врагу в последний момент, когда, может, недалеко почетное и радостное возвращение. Подумайте о душевных и физических муках тех, которые будут страдать и томиться в коммунистических застенках, когда их братья, будут рваться к родным просторам . . .

§—2. Но мало, станичники, не поддаться соблазнам врага. Надо еще и самим подготовиться к надлежащей встрече событий. Никакая внешняя благоприятная ситуация не даст нам свободы, если только сами не будем к ней хорошо подготовлены. Крепкая и стройная организация собственно-казачьих сил есть основа нашей свободы. Из опыта недавнего прошлого мы знаем, какую небывалую благоприятную обстановку мы проморгали, не будучи к ней сознательно подготовленными. Ныне, может быть, в последний раз, мы окажемся перед подобным же моментом и смерти добровольной будет подобно, если мы опять пропустим его. Поэтому, вопрос нашей надлежащей подготовки является вопросом жизни или смерти Казачества.

Казачьи националисты! . . Задайте каждый себе вопрос: „Готовы ли мы? . . Организована ли наша собственно-казачья сила?“ и честно самому себе ответьте.

Мы не сомневаемся, что каждый из вас, задав такой вопрос, печально ответит, что у нас — явное неблагополучие: Наша сила раз'единена, в нашей среде длится раздор! . .

Во имя жизни Казачества, Центральное Правление вновь и вновь призывает Казаков-Националистов к миру и единению.

Мы открыто заявляем, что тот, кто говорит вам о бесполезности организации собственно-казачьих сил, сознательно усыпляет вашу совесть и ведет вас к перспективе стать несчастною игрушкою в иных руках.

Председатель ЦП: **П. Н. Кудинов.** Член Президиума: **И. М. Евсиков.**

Секретарь ЦП: **С. Б. Балыков.**

ОТДЕЛ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

Д-р С. А. Федоров — Прага

Казачья нация

Некоторые черты из еволюции казачьего общественного быта в исторической переспективе.

Для того, чтобы правильно разуметь пути эволюции казачьего быта и представлять себе процесс образования общественной структуры Казачества с его народным характером, так отменным от российской обывательщины, нам необходимо проследить эволюцию казачьего быта во времени и пространстве.

Для этой цели мы можем пользоваться методами историческим и пережитков, которые, взаимно дополняя один другого, дают возможность получить более или менее правильное представление об эволюции Казачества в исторической переспективе.

Ранее мы говорили о передаче примитивного коммунизма жизни первоначального Казачества. Коммунистический характер за вольным Казачеством признается многими писателями и исследователями Казачества, одним из виднейших знатоков котораго является украинский професор Дм. Дорошенко.

Действительно, устройство Сичи Запорожской является прямым и неоспоримым свидетельством указанного периода. Пережитки коммунизма удерживаются на Сичи до последней четверти 18-го ст., и не только Войско Запорожское, но и другие Казачьи Войска долго удерживают черты коммунистического общественного устройства своей жизни. В Войске Донском они сохраняются, до половины 18-го ст., постепенно изживаясь новыми условиями материального существования Казачества.

Само собой разумеется, что казачий коммунизм не имел ничего общего с тем экспериментально-искусственными построениями коммунистического общества, которые проводились в 18—20 в. в просвещенной Европе и с теми, которые мы имели перед своими глазами на территории СССР. Уже самые основы их были различны-современный нам коммунизм низводит индивидуальное значение личности к нулю, тогда как казачье устройство представляет личности полную свободу и инициативу в рамках публично-правового порядка Войска — республики.

Современный нам коммунизм есть попытка практического претворения идей рационализма в их идеологическом искажении, часто вопреки здравому-рассудку; коммунистический же характер жизни казачьих общин не был искусственным произведением организаторов Казачества-коммунизм казачьих обществ творила сама жизнь, а именно поэтому в советско-казачьих историях Запорожское Казачество носит характеристику „буржуазии". Центр Казаков Запорожских Сичь, представлял из себя ряд больших общественных построек, в каждой из которых жили сотни Казаков, ведя общее хозяйство вплоть до общего приготовления пищи. Каждая такая община — курень представляла из себя автономную единицу, жизнь которой была построена на коммунистических началах. Только оружие, да вещи личного употребления составляли собственность Казака, все остальное — все средства производства принадлежали или каждому куреню в отдельности или всему Войску, как верховному хозяину, передовавшему их в пользование куреням.

Сочлены одного куреня вели общее хозяйство: скотоводство, рыболовство. звероловство и добычничество, дававшие средства для поддержания жизни каждого из Казаков в отдельности.

То, что на Запорожьи в общественном устройстве представлял курень, тем же самым на Дону, а соотвественно и в других Войсках, являлся городок. В тех тяжелых условиях материального быта, которым отличалось существование Казачества до конца 17-го в., а в некоторой доле и до половины 18-го в., каждому индивидууму в отдельности трудно было расчитывать на удовлетворение естественных потребностей своими собственными средствами и силами.

Главной работой Казака был насущный кусок хлеба, конечно не хлеба как такового, а пропитания вообще, и это было в равной мере заботой всего коллектива.

Охота и рыболовство в одиночку не могли давать таких результатов, как тогда если они предпринимались общими силами. Промысел должен был быть организованным для того, чтобы, покрайней мере, было обеспечено материальное существование социально и физически наиболее слабых членов казачьего общества.

Взаимная поддержка, как обязательное условие казачьего сожительства, имеет место в очень раннее время. Отсюда вытекает общий всем Войском институт односумства, в котором отдельная группа, внутри общества, ведет общее хозяйство и имеет общие средства пропитания. Из группового односумства, в условиях оседлого существования вытекает необходимость общего приготовления пищи для целого коллектива, которое имеет место как в запорожском куренном хозяйстве, так и в хозяйстве городков других Войск.

В городках Донского Войска долгое время сохраняется порядок довольствования из общественного котла, а самые котлы составляют предмет особенной заботы Казаков; по крайней мере при заключении договоров о перемирии с азовцами, в условия всегда включается требование поставки последними на городки больших котлов и не раз едва-ли не в самую большую вину, вменяется добычникам Калмыкам похищение котлов из городков.

В 40-х гг. 18-го ст. на Дону пойманная Казаками добыча (мясо, рыби, звери, птицы) поступает в общее довольствие населения городка; сам охотник имеет только равную долю продуктов, да в его пользу переходит шкура и рога, как эквивалент истраченных боевых припасов и награда за личное усилие. Подобный порядок был своеобразной социальной перестраховкой казачьего общества, обеспечивающей минимум существования на случай нерабо-

тоспособности или голодного времени, безработицы или неудачи в промысле и добычничестве, а кроме того в Войсках проводится целый институт социального обеспечения.

Такое устройство не было чем то присущим исключительно Казачеству-его мы видим и в общественном устройстве татарских орд 16—17 ст., как о том повествуют некоторые иностранцы, и у иных примитивно развивающихся народов.

Как видим, институт социального обеспечения не является исключительным достижением нашего времени — в зародышных его формах он имеется и у многих примитивных народов.

Африканский дикарь и теперь, когда ему удается поймать добычу, прежде чем приступить к насыщению, посылает на все четыре стороны призывной крик, предлагая, таким образом, разделить кусок пищи каждому неудачливому или голодному сотоварищу. Подобно этому у Запорожских Казаков, точно так же как и у Крымских Татар и Калмыков, каждый — без приглашения—мог принять участие в трапезе и случайные гостители не смели расспрашивать незванного гостя прежде чем он не насытился.

В некоторых районах Новой Зеландии существуют и теперь мелкие общества, организованные на началах полнейшего коммунизма — там проведено разделение труда по полу и возрасту; одежда, сети, для ловли рыбы и зверей, составляют общее достояние и только оружие является собственностью воина, следующею за ним и в могилу, подобно тому как и Запорожский Казак уносил в гроб свое боевое оружие.

На островах Пасхи есть громадные общественные постройки на образец запорожских куреней, которые населены сотнями особ.

Коммунизм, таким образом, известен не только культурным народам, — его эволюция во времени, в казачьих общинах дала прославленное казачье единство и наложила известный отпечаток на характер всего Казачества!

Благодаря эволюции примитивного коммунизма Казачество приобрело сознание своей общности, как единой силы. Общий очаг способствовал сплочению населения куреней, городков, станиц; общность интересов всего населения создавала общность Войсковую, которая охватывала всех обывателей — граждан Войска и переносилась дальше за его пределы на все Казачество. Казачество естественным порядком приходило к осознанию своей общности и понятию национально-казачьего единства.

Во время пребывания, на территории иного Войска, каждый Казак пользовался не только защитой этого Войска, но и правами, принадлежавшими его гражданам. Только императорский период начинает вносить раскол в формы едино-казачьего существования, а близкое соприкосновение с империей и проводимой ею капиталистической политикой вносить дисгармонию, в сложившийся естественным порядком, уклад казачьей жизни и приводит к материальному его упадку, достигшему предела в первой половине 19-го ст..

Первобытный казачий коммунизм получил свое отражение в отношениях Казака к земле и в понятиях о праве собственности на нее.

Казак любил свою землю, ибо она его кормит и является его достоянием, но любовь Казака к земле не есть любовь западно-европейского селянина, привыкшего считать своей собственностью тот кусок земли, на котором он и его предки столетиями, в поте лица своего, добывали свой кусок хлеба.

Коренным образом отличается любовь Казака к земле от любви к ней Украинского хуторянина или Российского однодворца из бывших служилых людей и служилых казаков, любящих землю, как свою частную выслуженную собственность. Чуждым является для Казака понятие российского мужика „земля-божья“; для Казака она не „божья“, а „казачья“, которая, однако, не является его личной собственностью, но принадлежит всему Войску, а, в тоже самое время, является достоянием и каждого Казака, как члена этого Войска. Каждый Казак имеет полное право на землю, но только не по „божьему“ признаку, представляющему права владения землей обрабатывающим ее, а по „казачьему“, соединяющему право на пользование землею с принадлежностью к казачьей общине — государству.

„Без земли нет Казака“ становится формулой казачьего существования и Казак любит и охраняет свою землю как державно — казачью, как собственность коллектива,— Войска.

Коллективное владение землею имеет свое начало в старой давнине. Оно имеет место у охотничьих племен, равно как и у кочевников и номадов, все богатство которых составляет скот. Земельная собственность осуществляется у них только на пространстве довольно неопределенно обмежованных естественными границами областей—юртовых землях для выпаса скота и охоты, всей племенной группой-сообща.

Земельный коллективизм возник из-за конкуренции отдельных племен или общественных групп между собой: необходимо было оборонять свой округ от покушений иных пришельцев.

Такой округ становился как бы отечеством. Этим маленьким отечеством чрезвычайно дорожили, ибо оно было как бы кладовкою, котороя кормила целое племя.

К нему питали сильную привязанность и не допускали посторонних использовать природные запасы, в ущерб фактическим владельцам. О присвоении земли в личную собственность и не думали; охотничьей или выпасной областью владели все, сообща, причем нередко, когда интересы владения, охотничьих племен или групп, не сталкивались с интересами кочевников, имело место и совладение на этой территории.

Примеры последнего мы видим в совместном пользовании землями Казаками и кочевниками 16—18 в. в., казачьими предками и „русами“ и „бродниками“ и степняками 11—15 веков. Право исключительной собственности закрепляется только за ближайшей околицей населенного пункта и то в целях обороны; граница такого владения определяется дистанцией действительного поражения по формуле: „куда стрела долетит“, а впоследствии, с усовершенствованием общаго оружия, „куда пуля долетит“, „покуда выстрел слышен“.

У арабов и сейчас фактическим собственником земли является племя в целом. Обработка ея ведется сообща и распределение продуктов производится равномерно; точно такой же порядок ведется и у краснокожих племен Америки. Обширные рыболов-

ные и охотничьи угодья составляют нераздельную собственность сочленов племени-всех совместно, их границы более или менее означены и нарушение их ведет, часто, к состоянию войны или вооруженному восстановлению прав. Такое же понятие о владении землей устанавливается и у старого Казачества. Прецеденты обороны подобного рода имеют место и в Казачьих Войсках даже во второй половине 18-го в. на Дону, Запорожье, Волге и Яике.

Внутри племенных или общинных границ право возделывания земли, охоты и рыбной ловли принадлежит всем сочленам, но каждый является собственником только тех даров природы, которыми ему удалось овладеть самостоятельно. Соответственно и обработка земли дает право на ее произведения, но не на самую землю, отношения к которой, работающего на ней, определяется правом пользования.

Те же самые начала были положены и в землепользовании Вольного Казачества и только гораздо позже проявляются тенденции к овладению землей в частную собственность, парализуемые уже Войсковыми законами. Но, в то же время, частная собственность на землю закрепляется у реестрового Украинского Казачества.

Там хлеборобство вызывает право собственности, в начале оно имеет характер пользования, но, современем, старшина, а за ней и, экономически сильное Казачество, начинает делать заимки и утверждать земли за собою. Подобные тенденции проявляет „старшинство“ в Войске Донском, в особенности, с получением им прав дворянства — когда оно занимает свободные Войсковые земли по окраинам и заселяет их пришельцами Украинцами. Рядовое Казачество долгое время остается равнодушным к захвату земель, борьба происходит только между старшинами. Со времен, когда экономические условия принудили Казака перейти к хлеборобству, он начинает привыкать к земле и любить ее, но эта привычка прививается весьма последовательно и не без старательных усилий Московского правительства, для которго несвязанная с землей казачья вольница представляет социальную опасность.

В Войске Запорожском устанавливается порядок годичного пользования угодьями распределяемыми между куренями по жеребьевке.

Этот порядок вводят и потомки Запорожцев — Черноморцы при своем расселении на Кубани. В дальнейшем, со второй половины 18-го и начала 19-го века, земельная-казачья эволюция следует по принципу „кто потрудился тот и имеет, кто потрудился тот и владеет“. Она приводит к образованию системы хуторов и зимовок, по праву заимки, против которой усиленно борется правительство, в то же время, поощряющее захват земли в частную собственность „старшин.“

Распределение земель коллективного пользования по семьям возникает в процессе развития стремлений к личной независимости. Этот естественный процесс не получает завершения у нашего Казачества, которое после революции 1917-года возвращается к чистым формам староказачьих земельных отношений: собственности на землю нет, вся земля принадлежит коллективу-Войску, как государству.

Обороняя свои, прадедами закрепленные за Войском, земли от посягательства на них иногороднего элемента, Казак борется не только за свое биологическое существование. Главным образом он ведет державно-национальную оборону против захожего пришлого элемента, именно так, как, например, обороняет свою землю ирландский крестьянин от пришлого английского элемента.

История и борьба Ульстера есть аналогия борьбы Казачества с иногородними она напоминает нам борьбу патрициев с плебеями в Риме и борьбу в древней Элладе. В некоторой степени причины создания коммунистического государственного воинственного строя древней Спарты отражаются в общественном строе старого Казачества!.. Разница только в том, что в дальнейшем, под влиянием различных причин, Казачество в развитии форм своей государственности идет иными путями и не творит привиллегированного сословия господствующего класса, как и не знает классового разделения.

Борьба Казачества за землю есть борьба за национальное господство. Наиболее остро эта борьба проявилась уже во времена экономического развития между Казакми и иногородними, а соответственно Казачьей державностью и Российской государственностью.

Вмешательство правительства и протежирование „приходькам“ было излишним — Казачество само понимало необходимость перехода к новым формам экономической жизни и быстро достигло хороших результатов в ведении сельского хозяйства.

Генерал Дебу, в солидном описании Кавказского Казачества посвященном Николаю I-му, характеризуя быт Линейцев 1816—26 г. г., пишет: „трудолюбие и радение к домовству отличают кавказских казаков от прочих, земледелие составляет главный доход жителей снабжающих хлебом Черноморье“. Следует отметить, что Кавказская линия начала заселяться только в конце 18-го в. Казаками иных Войск, принесшими на Кавказ старое наследие.

В 1864 г. Горцы, сложили оружие и Казак сделался образцовым хозяином, как будто для него не существовало разницы между мечем и плугом.

В короткое время изменения коснулись всего строя казачьей жизни: изменился семейный уклад, отношения между членами семьи, взгляды на подчинение женщин и детей, в конце концов домашняя обстановка, вкусы, костюмы и во всем этом выявилось культурное прогрессивное развитие Казачества.

„Господствоваший до сих пор семейный произвол и грубые нравы постепенно давали место личной самостоятельности и более гуманному отношению к детям и женщинам, — вообще начало развиваться личное начало“ — так писал кубанский историк Ф. А. Щербина через двадцать лет по окончании Кавказской войны.

В дальнейших условиях мирного существования эволюция казачьего быта достигла чрезвычайных успехов. Казачество стало на путь культурного строительства, далеко оставляя за собой, в своей общественной жизни, эволюцию косной массы русского люда. Наряду с этим развитием, Казачество несло несравненно более тяжелые обязанности в отношении Империи, нежели масса русского люда; имперский строй тяжелыми цепями сковывал свободу развития казачьей жизни. Нет никакого сомнения, что если бы Казачество 18-го века не было бы территориально поглощено Российской госу-

Шамба Балинов — Франция

К вопросу о целях, политических и организационных принципах — Казаков-Националистов

(К статье г. Билого „На темы дня“)

События, ныне в мире политическом происходящие, так интересны; внутреннее и внешнее положения нашего врага — СССР так для нас многообещающи, что нам необходимо точно и ясно определить наше к ним отношение; в предвидении возможных важных событий, как можно скорее закончить нашу работу по организации нашего Движения, чтобы не быть захваченным врасплох; необходимо в своих устных и печатных выступлениях пользоваться точно определенными понятиями и терминами, тем самым лучше определить и найти своих союзников для совместного „последнего и решительного боя“ за свободу и счастье нашего народа.

Иначе говоря, чтобы нас правильно понимали, надо точно определить нашу основную цель, сказать: какими путями и средствами мы к ней стремимся, установить наши политический и организационный принципы и, хотя бы в общих чертах, выявить наш общественный идеал.

Эту настоятельную необходимость понял даже г. Билый, в номере 175 журнала „ВК“ поместив передовую статью под заголовком „На темы дня“. Но, в силу своего нового благоприобретенного „свойства“, — избегать ответственности не только за свои дела, но и за свои слова, он, и на этот раз, ровным счетом ничего не сказал.

Приведем только два примера его „логического рассуждения“. Он пишет: — „Нам нужны: **„сильная ВК организация** — сильная духом и сильная материально, дисциплинированная и жертвенная, вобравшая в свои ряды максимальное количество настоящих казаков-националистов здесь и там“.

Но, взяв эту истину из литературы „оппозиции“, он спешит ее, тут же, разбавить своей „истиной“ и, опровергая самого себя, пишет: **„организация жизни в. казаков заграницей может интересовать только нас самих. Никого другого это не интересует. Не интересует это и наших братьев там.“ „Если бы была организована только жизнь в. казаков, даже наилучшим образом, основной задачи ВК это не решит ни в какой мере“.*)**

Для того, чтобы „доказать“ ненужность организации ВК за-границей, Билый пытается провести какую-то разницу между организацией ВК заграницей и „борьбой за осуществление программы ВК“.

Разумеется, это только биловская казуистика, выдуманная им для того, чтобы лучше морочить головы в. Казакам. Если сейчас никто не может сказать: когда, при каких условиях, в сочетании каких внешних и внутренних сил наступит та **реальная** и жестокая „борьба за осуществление программы ВК“, то любой сознательный и вдумчивый в. Казак может, уже теперь совершенно определенно сказать следующее: при всех условиях, организация жизни ВК **за-границей** есть те, совершенно необходимые, фундамент и силы, из коих только и может родиться та: „борьба за осуществление программы ВК“.

Мы не делали и не делаем никакой разницы между политической организацией ВК **за-границей** и „борьбой за осуществление программы ВК“. Такая разница может иметь место только в одном случае: если мы на всех в. Казаков будем смотрет только, как на серую скотинку. Тогда, действительно, от организации их никакого толку не будет, нечего их и организовывать. Очевидно, Билый именно так в. Казаков и рассматривает.

Но мы, уже, восемь лет работаем в ВК, исходя из одного предположения, больше того — из глубокого убеждения, что все вольные Казаки — сознательные патриоты своей Казачьей Родины, что каждый из них, в меру своих сил и возможностей, на своем месте и в своей среде, проводит и осуществляет часть политической работы ВК. Поэтому, мы полагали и полагаем, что не только хорошая организация и деятельность всего ВК, но даже жизнь отдельного вольного Казака есть необходимое звено единой живой цепи борьбы за осуществление программы ВК, что мы уже теперь отчасти ее осуществляем, а не играемся в прятки!

Стройная и разумная организация ВК заграницей необходима отнюдь не потому и не для того, чтобы кого-то „зо вне“ заинтересовать, как это полагает Билый, а потому, что такая организация есть фундамент всей нашей будущей реальной борьбы за освобождение. Без нее никакой борьбы не будет. Необходимо, раз и навсегда, крепко запомнить, что залог успеха казачьей освободительной борьбы лежит, прежде всего, в организации собственной силы, в нашей непоколебимой вере в нее. А сочувствие и поддержка извне это — только необходимое дополнение к нашей собственной силе, стройно организованной и разумно ведомой. „Судьбу каждого народа решают внутренние силы. Наилучшая внешняя кон'юнктюра ничего хорошего не даст, если не достает внутренней, организованной, активно воспитанной силы“ — говорит Гетман Скоропадский.

Только один Билый может пренебрегать организацией собственной силы, только он один может полагаться, исключительно, на „внешнюю“ силу. Для такой „установки“ у него есть особые причины. Это было известно для тех, кто с ним близко соприкасался. Удивляет лишь то, что он теперь стал открыто проповедывать свою „теорию“ о ненужности организации ВК заграницей. Об'ясняется это, вероятно, тем, что в последние годы, после отхода от него всех старых идейных в. Казаков, он окружил себя разными политическими проходимцами, готовых с пеной у рта кричать, что белое есть черное и принимать любую влагу за божью росу. Этой публике Билый может

*) Курсив наш. — Ш. Б.

дарственностью, оно развило бы свои духовные силы до наивысшей возможности и создало бы на своих родовых территориях высоко культурную Казачью государственность с образцовым общественным строем в ней, в результате эволюции своего быта.

говорить все, что взбредет ему в голову. Все там сойдет.

Вся статья написана Билым для формулировки следующих двух положений:

1) Прежде чем идти дальше — **„Надо решить сначала вопросы: о конечных целях ВК о задачах его возглавления“.**

Иначе говоря, по Билому, выходит, что ВК до сих пор, в течении 8-ми лет своей деятельности, якобы, не имело своих **основных целей**, а он, Билый, как и его „возглавление“, никаких задач не имел. Только теперь надо их обсудить и определить!

2) Если в. Казаки думают достигнуть своей цели, — **„то надо дать сначала возглавлению власть и не только на словах“.**

Что означают сии два биловских „положения“ в переводе на нормальный человеческий язык? Это значит, что нет никакой надобности организовывать жизнь ВК загранцей, а до „организации борьбы за осуществление программы ВК“ всем в. Казакам совершенно нет, мол, никакого дела, это не их дело. Все это сделаю-Я.

А долг и удел всех в. Казаков — предоставить все „права и полномочия“ мне и молчать, ничем меня не связывать, чтобы свободны были моя “воля и руки — для решения и действия!“

Разумеется, ни с одним из этих „положений“, как их формулирует Билый, мы согласиться не можем, не имеем права соглашаться. Такая комическая попытка протолкнуться в диктаторы над в. Казаками только может принести неисправимый вред всеказачьему освободительному движению. А всякий вдумчивый в. Казак поймет, что все эти „принципиальные положения“ Билого всего на-всего есть неумная попытка Билого подвести принципиальную базу под свое уже совершенное преступление: под разгон и разложение существовавших вольноказачьих организаций.

Расколов единое движение ВК на два крыла, лишенный возможности хоть кого нибудь привлечь, из числа старых работников ВК к „центру“, для положительной и творческой работы, — Билый творит, ныне, свою новую „теорию“ о ненужности организации жизни ВК.

К сожалению, мир всегда был полон политическими проходимцами. Есть они и среди в. Казаков. По крайней мере этим почетным именем именуют себя многие темные личности, ныне приближенные к „светлому“ лику „возглавления“. Конечно, эти типы с „восторгом“ принимают новую биловскую „теорию“ и в своей лести к своему господину переходят все границы элементарного приличия, не знают никакого удержу, доходят до того, что выводят возникновение в.Казаков, атакже журнал „ВК“ **„с момента появления нашего земного шара“.** Так прямо и пишут, а Билый печатает в своем журнале (см. „ВК“ № 176).

В результате многих подобных „действий“, сначала единое движение ВК ныне раскололось на два лагеря. Отныне есть — „Походный Атаман ВК“. Игнат Первый, над всеми казачьими традициями издевающийся, вокруг себя подбирающий, с одной стороны, политических проходимцев, опытных интриганов, а с другой — неопытных, неуравновешенных молодых людей, совершенно не ведающих, что творят, не отдающих себе ясного отчета в своих словах и действиях, которые зачастую вводят в заблуждение и честных ВК.

И есть другие Казаки-Националисты, об'единенные вокруг своего законного центра, вокруг журнала „Казакия“, бескорыстно служащие идее казачьей независимости.

Вот почему нам необходимо сказать — кто мы и чего мы добиваемся. Есть еще более серьезные причины для еще более ясного определения нашего политического лица. Наблюдаемые в мире политические явления укрепляют нашу веру в возможность скорого достижения нашей основной цели — освобождения. Благоприятные для нашего дела события могут неожиданно быстро разыграться. Если мы серьезно думаем достигнуть нашей цели, если мы считаем себя людьми, ведущими серьезную политическую работу, то мы обязаны говорить точно и определенно и о совершенно реальных вещах, не ударяясь в романтику, не задаваясь целью об'ять необ'ятное.

Точное выяснение принципиальных положений будет на пользу и той и другой стороне. И кто-то из нас должен поднять эти вопросы? . . Я считаю своим долгом их поднять и кратко формулировать свои взгляды по ним для того, чтобы другие их также внимательно обсудили и высказались.

Пусть „практичные“ в. Казаки поносят меня как им угодно, называя меня „предателем“, „изменником“, сколько душе их угодно. Это меня ни в какой мере не трогает. **Я был и остаюсь бескомпромиссным защитником идеи казачьей государственной независимости.** Из числа ныне здраствующих и не отрекшихся от идеи ВК — я, не меньше, чем кто бы то ни было, поработал в области пропаганды идеи ВК и организации его сил. Никакие „разоблачения“ Ленивова на биловском „кружении“ в Париже этой моей работы не уничтожит. Кому-кому, но не Ленивову разоблачать „двух калмыков“! Когда Ленивов засучив рукава, на всех перекрестках кричал о том, что **„идея ВК вызывает в нем только презрение и омерзение“**, эти „два калмыка“ на своей спине выносили не малую долю ударов озверелых врагов ВК, в числе коих, на передовой линии, стояли Ленивовы и П. Макаренки! Моя работа в ВК дает мне моральное право поднять те вопросы, на которые каждый в. Казак всегда и всюду должен иметь ясный и точный ответ.

Итак, какие же эти вопросы, на которые нужно иметь ясный и готовый ответ?

1) Вопрос — почему мы стали в. Казаками, в силу каких причин и оснований возникло движение ВК и поставило себе целью государственную независимость Казачества?

2) Вопрос о нашей основной цели, которая, на первый взгляд, как будто, ни в ком не вызывает сомнения: Освобождение Казачьих Краев и создание из них независимого Казачьего государства — Казакии. „Наш девиз — Казачья Воля, Казакия — наша цель“ — повторяют все. Но надо точно и ясно определить — что мы подразумеваем под Казакией. Надо выяснить — каким образом первоначальное ВК, мыслившееся **в составе только Дона и Кубани** (см. жур. „ВК“ № 1) потом обратилось в

нынешнюю Казакию мыслимую, уже, в гораздо более широких размерах.

3) Как мы мыслим путь создания Казакии? Форму ее государственного бытия — федерация Областей или унитария? Как мы мыслим ее общественный строй — демократия или какой иной?

4) На каких принципиальных основах мы думаем строить хозяйственно-политическую и духовную жизнь в стране Казаков?

5) Как мы мыслим наше будущее взаимоотношение с соседними, с Казачеством, народами, стремящимися к своеи национальной независимости?

6) Какую мы роль отведем Казачьей эмиграции и как мы думаем организовывать жизнь ВК за-границей: по какому типу и на каких принципах?

7) Какие надежды мы возлагаем на факторы внешнего порядка; каково наше отношение к вопросу внешней помощи теперь и в будущем?

Вопросов, конечно, можно ставить бесконечное количество, но, пока что, я затрагиваю те, кои мне кажутся наиболее важными, требующими от нас ясного и точного ответа теперь же. Разумеется и на поставленные вопросы с исчерпывающей полнотой нельзя ответить в журнальной статье. Да я и не претендую на исчерпывающий ответ, а всего, лишь, хочу кратко высказать по ним свое личное мнение, чтобы дать Казакам пищу для размышления и высказывания своего взгляда.

Начнем по порядку, с причин и оснований, приведших к зарождению ВК.

Возникновение Казачьего освободительного движения под именем ВК есть естественный и логический результат долгой эволюции Казачьей общественно-политической мысли. Только духовные „Ваньки“ без роду и племени, только политические слепцы и нечестные люди способны приписывать себе все заслуги в вольноказачьем деле. С другой стороны, только непримиримые враги самой Идеи, по соображениям своей партийной политики, способны отворачиваться от истины и „доказывать“, что движение это искусственно строится на „иностранном песке“.

Движение Казаков-Националистов зиждется на бесспорных исторических, идеологических и правовых основах. Идея Казачьей независимости родилась и жила с момента появления Казачества в свет. Казачество, некогда, было самостоятельной республикой (или республиками), хотя неписанными, но с твердыми своими законами, обычаями и традициями. Эту фактическую независимость Казачества героически и жертвенно защищали лучшие сыны Казачества — Разин, Булавин, принесшие ей в жертву свою жизнь. Если у них не было стройной писанной идеологической программы, если они свою борьбу не обосновывали научно, то у них было живое чувство, сознание, непоколебимая вера, — это казачье право отстаивать. Они не были самостийниками, а были только мужественными защитниками своей Казачьей Родины от покушения на нее извне.

К несчастью, эта Казачья независимость была подавлена — силою оружия — Московским царем и с тех пор Каз-во было крепко связано московскими цепями. Но физическое порабощение не убило Казаков духовно. И под московским прессом воля Казачья жила.

В 1917 году оборвалась цепь, сковывавшая волю Казачью: России не стало. Народы, находившиеся под ее властью, стали на естественный путь национального возрождения. Также естественно и Казачьи Области восстановили свое нарушенное право и провозгласили свою государственную независимость. В защиту своего восстановленного национального права — Казачество 2½ года героически боролось с новым московским нашествием.

Идеологическую и правовую основу современному ВК заложили не люди, ныне себя именующие вольными Казаками или Казаками-Националистами. Истоки современного Казачьего освободительного движения уходят в глубь казачьей истории. Начало ему положили основоположники Казачьего автономизма с Сухоруковым, Х. И. Поповым и др. во главе. Подкреплялось оно работой целого ряда поколений сознательных, передовых Казаков — от автономистов через федералистов наших дней. Не будь этой кропотливой и любовной работы просвещенных казачьих предков — не было бы и современного ВК.

Последним естественным этапом к переходу к ВК было провозглашение Казачьими Краями своей независимости в период борьбы с Москвой в 1918—20 г. г. В дело историко-политического обоснования позиций ВК огромный вклад внесли еще живые казачьи федералисты — проф. С. Г. Сватиков и В. А. Харламов: первый, в части исторической, своим капитальным трудом „Россия и Дон“, а второй, в части политической, своим журналом „Казачий Путь“, где учились писать и критически подходить к вопросам политики почти все нынешние молодые в. Казаки. Именно эти федералисты, что называется, привели Казаков к порогу ВК и сказали: идите, продолжайте наше дело, мы состарились, нам дальше идти неудобно. А идти дальше было уже не так трудно.

Беспросветную глупость говорят те, кто любит утверждать, что ВК — это один Билый а последний, поощряя эту глупость, обнаруживает двойную глупость. Если даже допустить, что в один нехороший день все Казаки превратились бы в „Ваньков безродных“ и стали „плевать“ на работу своих предков, если допустить, даже, такое несчастье и весь вопрос свести только к журналу „ВК“, свое происхождение вести только от него, как это делают биловские сотрудники, то и тогда заслуга Билого сведется к ничтожеству, а именно к тому, что он, всего только, **не отказался от предложения других совместно издавать В. К**“. Как известно, основоположницей его была первоначальная „восьмерка“, во главе с покойным полк М. Ф. Фроловым, которого, ныне, Билый так щедро и упорно развенчивает перед своим окружением.

Итак, ВК свое начало ведет из глубин казачьей истории. Оно покоится на неоспоримых исторических, идеологических и правовых основах. Все политически сознательные Казаки не могли не стать на путь ВК.

К этому прибавляется вопрос, так сказать, практического порядка, мотивы целесообразности. Наши Края оккупированы красной Москвой. Наш долг — бороться с оккупантами до последней капли своей крови. Этого требует от нас наша присяга, наша клятва, данная перед Богом на Родине. А бороться с Москвой, с надеждой на успех, можно

только став на путь национальный, опираясь на высокую идею самоопределения угнетенных народов. Потому, мы, одушевляемые нашим историческим прошлым, учитывая современную действительность, сознавая свой моральный долг, не имели права не стать вольными Казаками!

Вопрос второй: что мы подразумеваем под Казакией? Из каких составных частей она, по нашему должна состоять?

Для ответа на этот вопрос, сначала надо уяснить себе — какую цель ставило себе ВК первоначально? Для этого надо прочитать декларативную статью в первом номере журнала „ВК". Основоположники его говорили о совершенно реальных вещах. Они ставили основной целью ВК: — „Восстановление своих государств-республик: Донской и Кубанской. Поэтому, первым пунктом нашей программы должно быть: освобождение Дона и Кубани из под власти РСФСР. и СССР и созыв: на Кубани — Кубанской Рады, на Дону — Донского Круга, как суверенных Учредительных собраний, над волею которых нет никакой иной высшей воли".

Так проста и ясна была первоначальная цель ВК. Указан был и путь организации жизни в. Казаков в эмиграции, так и строительство союзного государства там, на Родине — по принципу войскового строительства.

Поэтому, первоначально ВК состояло из двух **центральныіх** организаций: Вольного Казачества Дона и Вольного Казачества Кубани. Эти две организации, путем делегирования своих представителей в центр, составляли центральную организацию уже всего ВК.

Установлен был (правда, нигде не записанный и никаким высшим авторитетным органом не утвержденный) общий принцип: ВК должно вобрать в свой состав все юго-восточные Казачьи Войска и Калмыцкую Область, **но для такого вхождения необходимо было наличие в. казаков данного Войска об'единенныіх в свою войсковую центральную организацию и проявляющих активную работу по защите идеи ВК.** И это было, по моему, правильно, ибо Казаки одного Войска не имеют права и возможности (по крайней мере в данное время) говорить и решать дела, касающиеся других Войск.

В 1928 г. возникла Калмыцкая национальная организация ХТТ, составленная из лиц участвующих в движении с первых дней. Вскоре, затем, была создана Терская вольноказачья организация, которыя и была принята в состав ВК, (согласно постановления Цантрального Комитета ВК от 12 ноября 1928 года.)

Таким образов, ВК расширило свои рамки и стало состоять из четырех войсковых и национальных организаций: Донской, Кубанской, Терской и Калмыцкой, а из полномочных представителей этих четырех войсковых организаций был образован высший исполнительный орган всего ВК — Центральный Комитет.

Имея мало в. Казаков, из среды Уральцев, Астраханцев и Оренбуржцев, не с кем было решать этого вопроса, все же, в состав Казакии, условно, были включени территории: Астрахани, Урала и Оренбурга, что, при подтверждении законными их Кругами, дало бы возможность, таким образом, об'единить все европейское Казачество в Великую Казакию.

Такова первоначальная программа ВК и история происхождения „территориальной программы" великой Казакии. Мне кажется, что настало время в этот вопрос внести ясность и, во избежание разных ненужных импровизаций, установить по нему наш основной принцип. И, конечно, прежде всего **надо взять за основу те принципы какие были приняты в ВК первоначально,** а именно:

1) Казакия должна образоваться из европейских Казачьих Войск и Калмыцкой Области.

2) Вопрос о вхождении или невхождении в состав Казакии того или иного Войска **решают сами Казаки данного Войска;** (Казаки одного Войска не могут решать судьбу другого Войска.)

Иначе говоря, для причисления того или иного Войска к составу будущей Казакии, необходимо наличие группы Казаков данного Войска, признающей законность цели ВК и проявляющей активную деятельность по пропаганде идеи ВК.

Если установим и примем такой принцип, то вопрос — „что мы подразумеваем под Казакией" — разрешается просто, когда мы примем во внимание то, что есть в действительности в настоящее время в ВК. А есть в нем вот что: после восьми лет пропаганды этой идеи мы имеем солидные и многочисленные организации среди Донцов, Кубанцев, Калмыков и Терцев. Не надо закрывать глаза на действительность, не надо обманывать других и самих себя, а надо смотреть на вещи прямо. В зарубежном Движении В. К. мало Уральцев, Астраханцев и Оренбуржцев, а потому, соблюдая наш принцип, мы не можем считать вышеупомянутые территории окончательно вошедшими в состав Казакии до подтверждения этого акта их законными Кругами.

Таким образом, группа Казакии, исходя из реальной действительности, храня верность первоначальным принципам ВК, в настоящее время под Казакией должна подразумевать: шесть европейских Казачьих областеи и Калмыцкую область, а именно современную Калмыцкую Советскую Республику, не касаясь Донских Калмыков, которые остаются на Дону, пользуясь всеми правами и неся все обязанности наравне с Донскими Казаками.

Казаки не должны смущаться тем, что это будеть, мол, маленькое, слабое государство. Территория только этих областей составляет свыше миллиона кв. километров, больше территорий таких европейских государств как, Польша, Румыния, Франция, Германия, Испания без колоний; больше территории Англии и Ирландии, вместе взятой, без колоний.

По естественным своим богатствам страна Казаков будет превосходить многие европейские государства; земля казачья будет омываться волнами трех морей — Черного, Азовского и Каспийского. Экономическому и стратегическому положению Казакии будут завидовать многие современные государства.

Если удастся нам создат казачье государство даже в этих рамках, освободить наших братьев из под большевицкого сапога, то это будет великое дело. Можно быть уверенным, что, в конечном счете все, Казачьи Области пожелают жить вместе

со своими братьями-Казаками под крышей Казачьего государства, чем под иной какой крышей.

Как мы мыслим путь создания Казакии? Очевидно, мы должы идти по пути областническому, как это было принято, первоначально, в ВК и никем это положение не было отменено до сих пор: после освобождения немедленно на Дону и Тереке созываются Круги, на Кубани — Рада, в Калмыкии Хурлдан, сначала, таким образом, устанавливаются, организуются местные власти, а потом организуется общегосударственная власть.

Следовательно государственной формой Казакии должна быть федерация Областей. Вряд ли будет целесообразно на первых порах становиться на иной какой путь организации власти в Казакии. Просто невозможно будет с первых шагов строить ее на началах унитарии. Привычку и психологию, сложившиеся в результате вековой раздельной жизни, одним росчерком пера нельзя будет уничтожить. В трудный, переходный момент надо идти по пути привычному, для всех понятному, близкому. Разумеется, надо всячески стремиться к тому, чтобы исчезло среди Казаков деление по Войскам, чтобы Казаки рано или поздно стали просто Казаками—гражданами одного Казачьего государства. Но это достигнется только путем постепенности, а не сразу.

Политико-общественная жизнь в Казакии должна опираться на старые исторические казачьи традиции, на вековечном казачьем принципе народовластия. Это народовластие существенно отличается от западной формальной демократии. Казаки через своих достойных представителей (а часто и непосредственно) вручали власть наилучшему и наидостойнейшему из своих, который на срок своего полномочия, пользовался всей полнотой власти. Это казачье народовластие наилучшим образом отражало подлинную народную волю. Казаки умели выбирать себе главу, умели ему подчиняться, но также умели с ним справляться, если избранник не оправдывал их доверия.

Конечно, в Казакии, в будущем, не будет казачье народовластие проводиться в его первоначальной непосредственной форме. Будет принята во внимание сложность жизни современных культурных государств и к ней, целесообразно и разумно, применено. Но в основном должен остаться тот же принцип: **выборный глава, вождь народа, пользующийся всей полнотой власти.**

Какой принцип должен быть положен в основу хозяйственно-экономической жизни страны? Очевидно, такой, какой наиболее отвечает природе Казака. Казак — прирожденный сельский хозяин, земледелец. В прошлом, в своем подавляющем большинстве, Казаки были сельскими хозяевами, имели свое хозяйство, ведшееся преимущественно, личным трудом семьи. В каждом Казаке крепко сидит собственнический инстинкт, который является могучим стимулом труда, самодеятельности, инициативы. Поэтому, в основу хозяйственно-экономической жизни должен быть положен принцип частной собственности, личной творческой инициативы. Развитие хозяйственной жизни должно идти по пути здоровой кооперации, основанной на самодеятельности широких народных масс, дающей возможность наилучшим образом использовать достижения человеческого знания и народные средства.

Казаки, несомненно, являются принципиальными и непримиримыми противниками коммунизма-марксизма, отвергающего и решительно разрушающего все старые устои и духовные начала народной жизни. Для Казаков является истиной, не требующей доказательства, что современный марксизм, прикрываясь лживой личиной защиты бедных и обездоленных, поставил себе целью — разрушить всю тысячелетнюю культуру человечества во имя своей новой „пролетарской культуры"; разрушить весь „буржуазный" мир, путем постоянного сеяния смуты и морального развала, во имя мировой диктатуры пролетариата. Они знают, что в стране, где царствует марксизм-большевизм, убито всякое начало гуманности, морали и вся народная жизнь подчинена жестокому божеству — материализму, в конечном результате приводящих людей к оскотинению.

От марксистской „троицы" — интернационализм, социализм и атеизм — Казаки органически отталкиваются и противопоставляют ей свою „троицу": национализм, собственность и религия. Поэтому народная жизнь в Казакии должна быть построена на хороших старых народных традициях, на началах духовного порядка, на бережном отношении к здоровым народным обычаям, привычкам, на почитании и уважении старших, на здоровой, душу облегчающей религии и на основе широкого просвещения.

Каково должно быть наше отношение к соседним с Казачеством народам?.. Самое наилучшее, самое дружеское. Больше того: для успешной борьбы за свою независимость крайне необходимо создание единого фронта всех угнетенных народов СССР. Еще: когда настанет момент реальной борьбы, наиболее тяжкая роль может выпасть прежде всего на долю Казаков и Горцев Северного Кавказа. Поэтому между ними прежде всего должно быть установлено взаимное понимание, полная солидарность по всем вопросам, чтобы в нужный момент они в „последний и решительный бой" могли пойти как единый монолит, с глубокой верой друг в друга. Мы верим, что также, как и мы, понимают свое будущее взаимоотношение с Казачеством и наши непосредственные соседи.

Какую мы роль отводим казачьей эмиграции?.. Роль неустанных будителей казачьего национального сознания, роль пропагандистов идеи казачьей государственной независимости, роль организаторов казачьих национальных сил, следовательно, роль подготовителей освободительной казачьей борьбы. В этом смысле и оправданность существования каз. эмиграции. Это-ее священный долг. Без такого постоянного идейного горения, жертвенной работы— от эмигрантов остаются только человекоподобные существа, заботящиеся только о собственном брюхе и такие существа не могут претендовать на уважение к себе и человеческое отношение со стороны других.

Наши братья, лишены возможности выявлять свою Казачью волю. К несчастью, их роль пока что ограничивается тем, что время от времени, доведенные до отчаяния, хватаются за вилы, а иногда с голыми руками восстают против насильников, с неизбежным результатом

быть расстрелянными из красных пулеметов или отравленными удушливыми газами.

И наше положение в эмиграции не из легких. Но зато мы имеем огромное преимущество перед нашими тамошними братьями: наши уста и воля свободны, никто нас не насилует. Наш долг громко и во всеуслышанье говорить о нашей Казачьей правде; о нашей неуклонной воле к свободе, о казачьей страшной трагедии.

Мы смотрим на казачью эмиграцию как на авангард казачьей освободительной борьбы и придаем первостепенное значение вопросу — **как эта казачья лава будет построена, организована.**

С презрением и глубоким возмущением отбрасываем мы преступную „теорию" Билого и разных Мельниковых о ненужности организации вольноказачьей жизни заграницей. На страницах того же самого журнала „ВК", под редакцией того же самого Билого, я много раз писал резкие статьи против покойного Атамана Богаевского и ныне здравствующего Н. М. Мельникова за их подобную же „теорию" о ненужности казачьей политической организации в эмиграции, о вредности вмешательства Казаков в политику. Билый тогда был со мною совершенно согласен. Теперь он, достигнув положения Богаевского и Мельникова, т. е. сделавшись полновластным хозяином „денежного ящика", как раз стал сам проповедывать то, что проповедывали Богаевский с Мельниковым: молчите казаки, не мешайте мне распоряжаться вами!

Я говорил тогда, говорю и теперь: безразличное отношение Казаков к вопросам политики, их неорганизованная жизнь в эмиграции, молчание и бесгласное послушание „приказам" начальства — есть политическое преступление перед Казачеством, ныне распинаемом на красном московском кресте. Тот, кто призывает к такому молчанию Казаков (раньше Богаевский, а ныне Билый) сознательно угашает дух казачий, убивает в них веру, тем самым совершает великое политическое преступление.

Разумеется, „даже наилучшим образом" организованная жизнь ВК за-границей не решает **всего** вопроса освобождения Казачества. Но политическая организация в. Казаков в эмиграции — есть начало всех начал Казачьего освободительного движения. От того, сумеем ли мы организовать нашу политическую жизнь здесь, сумеем-ли вобрать в русло нашего Движения максимальное количество сознательных и идейных Казаков зависит — настанет ли вообще тот момент, когда начнется борьба „за осуществление программы ВК".

Исключительную неправду говорит Билый, когда пишет, что жизнь в. Казаков **„не интересует наших братьев там"**. Великое это было бы несчастье для нас, еслиб это было действительно так, если тамошние наши братья нами бы не интересовались, поставили бы над нами крест, как это пытается „доказать" Билый. Тогда нечего было бы нам и огород городить.

К счастью, это не так. Мы имеем сведения о том, что наши братья „там" очень интересуются тем — что мы делаем, какую политическую жизнь ведем. С риском для жизни, бережно храня и скрывая от властей, читают литературу Казаков-Националистов; стихи молодых в. казачьих поэтов, переписанные, ходят по рукам, будя и одушевляя тамошних наших братев.

Там наши братья нашей жизнью интересуются настолько сильно, что умудрились, правда, без указаний имен и адресов, прислать тысячи „голосов" за кандидата в Донские Атаманы ген. П. Х. Попова, который в Родных Краях известен как Донской Походный Атаман, как человек, не склонивший Знамя Донской Независимости перед Москвой, перед такими русскими авторитетами как ген. Алексеев, Корнилов, Деникин и др..

„Там", значит, не только интересуются, но настолько тонко разбираются в нашей жизни, настолько чутко относятся к вопросам чести Дона, что они попытались свои „гири" положить на чашу весов в пользу Попова, чтобы избавить Дон от того позорного монархического пятна, какое ныне наложили на Донское Войско некоторые Донцы в эмиграции, добровольно избрав себе в Атаманы гр. Граббе, убежденного русского монархиста, б. Наказного Атамана.

И эта недостойная политическая демонстрация, учиненная частью Донской „старшины", путем хитрого „избрания" Граббе Донским Атаманом, передем лицом всего мира наложившая несмываемое монархическое пятно на все Донское Казачество, есть неизбежное следствие той преступной „теории" невмешательства Казаков в политику. По простоте душевной Казаки послушались их, не вмешивались в политику, а их именем политические мертвецы делают определенную политику, чрезвычайно вредную для всего Казачества!

Итак, решительно отвергая „теорию" Билого о ненужности организации жизни в. Казаков за-границей, а также с презрением отвергая лживое сообщение Билого, что тамошние Казаки не интересуются нашей жизнью, мы говорим:

— Политическая организация ВК в эмиграции, дружная, солидарная и умелая пропаганда всеми нашей идеи есть первый залог успеха всего нашего движения. На это именно должно быть в первую очередь обращено все наше внимание, все наши силы!

По какому типу и на каком принципе должна быть построена такая организация?

В 1920 году Союзный Комитет ВК в своем обращении к в. Казакам по этому вопросу писал: — „СВК не является политической партией, стремящейся только к захвату власти в уже существующем государстве с налаженным ходом государственной и общественной жизни. Перед СВК стоит сложнейшая проблема государственно-политического, экономического, социального и культурного строительства в стране, варварски раззоренной, ограбленной, политически развращенной и оплеванной, в которой население в результате недавних тяжелых неудач, в значительной степени утеряло веру в свои силы и в возможность достигнуть политически и экономически независимого положения... Очевидно, что СВК не может строиться по типу обыкновенной партийной или общественной организации. Он должен представлять из себя, так сказать, прототип будущего Союзного Казачьего Государства, или вернее, ядро его, **чтобы из Союза элластично, путем развертывания выросла та держава, о которой мечтали и мечтают лучшие, наиболее свободолюбивые и наиболее смелые и крепкие духом сыны нашей Родины**".

Иначе говоря, организацию жизни ВК следует строить по типу областническому, т. е. на федеративном принципе. Очевидно, именно этот принцип ныне должен быть положен в основу организации ВК.

Еще один вопрос: какие надежды мы возлагаем на внешние факторы?

Разумеется, первое необходимое условие успеха нашей борьбы за свою независимость, это — разумная и целесообразная организация собственной силы. Вторым необходимым условием являются благоприятные для нашего дела факторы внешнего порядка. Точнее говоря, те внешние силы, которым непосредственно угрожает красная Москва, цитадель марксизма, и которые жизненно заинтересованы в ослаблении не только СССР, но и любой „единой, неделимой, великой“ России.

Такие внешние силы имеются и о них каждодневно пишут все русские газеты к месту и ни к месту. Об одной такой немалой внешней силе, об Англии, совершенно определенно пишет талантливый русский ген. Головин в своей книге „К чему идет Великобритания“. Для ген. Головина нет никакого сомнения, что Англия, в целях ослабления СССР, всячески будет помагать отпадению от России ее южных окраин — „Великобритания, — пишет ген. Головин, — которая в своей дальнейшей борьбе с большевиками **будет идти по пути создания на территории СССР государственных новообразований,** не будет делать это из какой либо руссофобии“, а в целях спасения собственной империи.

Словом, таких внешних сил, для нашего дела благоприятных, имеется достаточно. Вопрос только времени и нашего умения использовать эти силы в своих собственных интересах.

Мы спокойно проходим мимо тех упреков наших недоброжелателей, что ВК работает на чужие средства. Это — простая политическая демагогия, расчитанная на простачков.

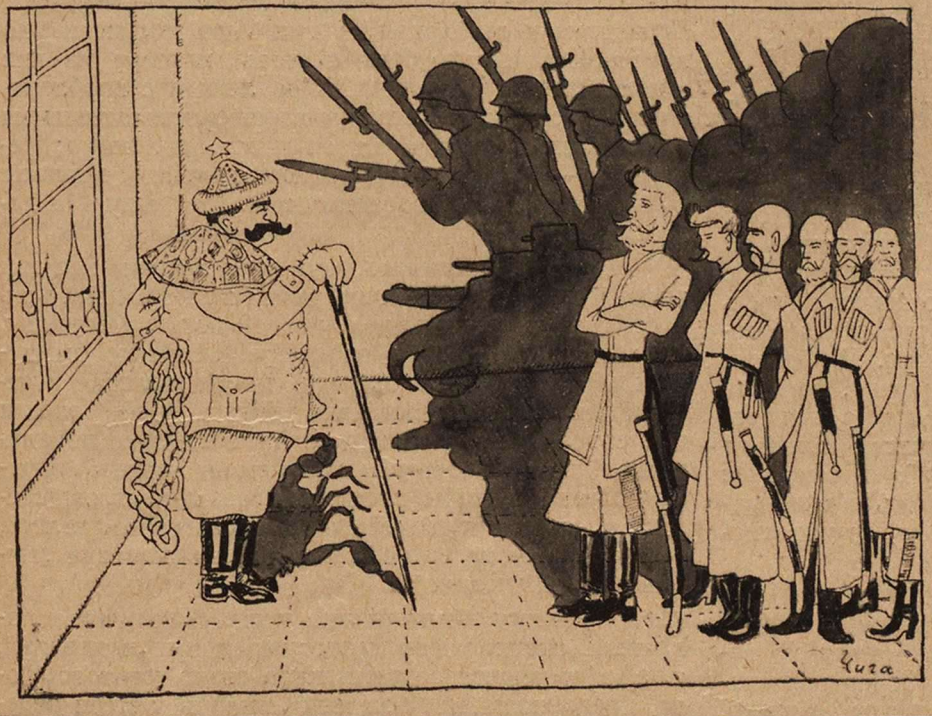
Для дела освобождения Казачества, как теперь, так и после освобождения, кроме отличной организации собственной силы и жертвенной самодеятельности, необходима внешняя моральная и иная помощь. Сейчас — для успеха нашей пропаганды, а в будущем-для строительной работы в стране, разрушенной во всех областях жизни.

Казаки-Националисты такую помощь обязаны искать и, найдя ее, получить. В этом не только нет ничего зазорного, но это необходимо для успеха дела. Помощь от всех, исключая только большевиков. Помощь от тех, кто заинтересован в ослаблении СССР, **кто сочувствует образованию казачьего независимого государства.**

Недопустимо получать помощь извне, чтобы делать под казачьим именем политику покровителя. Получение „помощи“ для такой работы носит определенное название, на что казаки-националисты никогда не пойдут. Но получать помощ от сочувствующего нашему делу и делать чисто казачью политику, это-заслуга тех, кто найдет такую помощь, это в жизненных интересах всего Казачества.

Итак, на внешние факторы мы смотрим, как на необходимое дополнение к нашим собственным усилиям к освобождению и глубоко верим, что такие факторы найдутся и, в нужный момент, придут к нам с своей моральной и иной помощью.

15 декабря 1935 года. Париж.

Старая песенка на новый лад...

„По газетным сообщениям, Сталин принял в Москве, в Кремле, делегацию Донских, Кубанских и Терских Казаков и обещал восстановление вольностей.“

СОСО I: — Ой, подарю я вас, мои казаченьки, землей вашею, — не колхозною!..

Бѣлогвардейцы к СССР. Газета „Заря“ № 4367. 26. III. 1936 год. (Т. А. Гавас) Париж. Делегация об'единения Русских эмигрантов явилась этим утром в генеральное консульство СССР., которому сообщила текст телеграммы, отправленной Калинину. Телеграмма гласит: „В этот опасный час, который переживаем, Русские патриоты — эмигранты просят Вас считать их между теми, которые работают на оборону страны. Мы приветствуем, сердечно, наш народ, его правительство и армию“. (Б. Т. А).

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Проф. Ф. А. Щербина — Прага

Пережитое, передуманное и осуществленное.

(VII. На излечении).

В настоящее время я не могу припомнить всех подробностей моего бегства из школы. Обуреваемый страхом быть высеченным, я все усилия ума направил на то, чтобы найти место, в котором можно было спрятаться от преследования, казавшегося мне неизбежным. В моей памяти хорошо сохранилось это соображение и тревога, соединенная с ним. Что я делал после того, как прибежал домой из школы, не могу представить себе сколько нибудь ясно и отчетливо. Кажется, что, с самого начала, я взобрался на самую большую и высокую грушу в нашем саду и спрятался, как грач в ее густой и тенистой верхушке, а потом, когда мне не вмоготу показалось это птичье сиденье, я перебрался на чердак в сарай. По крайней мере здесь нашла меня, поздно вечером, почти в полубессознательном состоянии, моя мать, приехавшая со степи. Я заболел и заболел серьезно.

Что послужило причиною моей болезни — чрезмерное ли нервное напряжение, простуда ли от неумереннего купанья в речке накануне, или просто тифозное поветрие, нередко появлявшееся в станице, теперь трудно сказать, но болезнь была тяжелая и продолжительная. Более двух недель пролежал я в полубессознательном состоянии. Необычайный жар, головные боли и общее изнеможение сковали меня по рукам и ногам. Временами мне мерещились какие-то призраки и ужасы и тогда я плакал и кричал, проявляя острые приступы ужаса и боязни. То небольшая на четырех столбах с зеленою крышею колокольня, видневшаяся из моей постели, превращалась у меня на глазах в низенького человека на тоненьких ножках, с зеленою шляпою на большой голове и с цепкими длинными руками. Человечек этот пытался схватить меня за волосы и выбросить из постели на улицу. То ходивший по по двору ручной журавль вдруг вытягивался и рос все выше и выше. Ставши рядом со мною, он чуть ли не с высоты небес норовил клюнуть меня в голову своим длинным железным носом. То коровы подходили к моей постели и бодали меня, ковыряя своими рогами постель и разбрасывая в разныя стороны подушки. То, наконец, появлялся какой-то горбатый и кривоногий старик-нищий, пытавшийся ущипнуть меня за щеки или стащить с меня рубашку. В Деревянковке называли тогда эту болезнь — горячкою.

И каждый раз, когда мне мерещились эти призраки, я вскакивал с постели, плакал и просил защитить меня. Добрая мать гладила меня по голове, прижимала к своей груди и уговаривала ничего не бояться. потому, что она тут со мною. Успокоенный и согретый материнскою лаской, я приходил в себя и несколько оживлялся, будучи уверен, что мать никому не позволит обидеть меня

Замечательно, что впоследствии в юношеском и зрелом уже возрасте, мне неоднократно снилась колокольня на низеньких ножках с огромною шляпою на голове, покушавшаяся на мои волосы и каждый раз я испытывал явный ужас, живо ощущавшийся в момент пробуждения непосредственно после сна. Очень может быть, что это были следы того покушения, которое произвел над моими волосами Харитон Захарович. Во время же болезни я испытывал потрясающий ужас, как рассказывала мне моя мать и передавала сестра, ухаживавшая за мною в конце болезни.

Несчастная мать из сил выбивалась, просиживая у моего изголовья дни и ночи. Ради меня было брошено на произвол хозяйство в самую горячую пору, во время сенокошения. Сестра, гостившая с меньшим братом у тетки в Новощербиновке, приехала только к концу моей болезни, так как известить ее было некому. И матери поэтому пришлось переживать все невзгоды того беспомощнаго состояния, в котором находилась станица при эпидемических заболеваниях.

В станице не было ни врача, ни фельдшера, ни вообще какого либо намека на медицинскую помощь. В таком же положении находились ближайшие станицы, и расчитывать на медицинскую помощь даже со стороны, было немыслимо. Лечили же всех и от всех болезней знахарки или, как называли их у нас в станице, шептухи — толстая и неповоротливая баба Терпилиха, бойкая и проворная баба Чепижиха, скромная и богобоязливая баба Вариводка и др. Какая из них была искусснее во врачевании, трудно было сказать; каждая из них имела свою специальность и лечила с проблематичным успехом. Вариводка хорошо лечила теплыми припарками и настоями трав вывихи и ломоту; Чепижиха — „корчий“ или лихорадку, а Терпилиха врачевала от „переполоха“ т. е. от испуга и навождения.

Надо предполагать, что меня лечили все три знахарки. По крайней мере, когда я начал приходить в себя, то нередко видел у своей постели то одну, то другую, то третью знахарку. Особенно памятным остался у меня случай, когда толстая и неуклюжая Терпилиха ставила диагноз моей болезни после того, как прошел уже кризис. Это повидимому делалось с той целью, чтобы узнать причину болезни и чтобы клятая болезнь не возвращалась и столь внушительно и своеобразно велось, что у меня и тепер свежа в памяти картина „выливания переполоха“.

Помнится, было раннее утро. Терпилиха, подоивши своих коров и отогнавши их „в череду“, т. е. в станичное общественное стадо рогатого скота, предложила моей матери „вылить у меня переполох“. Мать приняла предложение и попросила соседку Степаниду, — временно заменявшую нашу и постоянную работницу Оксану, которая была в степи на сенокосе, — затопить печь и поставить самовар, чтобы угостить, чаем услужливую знахарку.

Терпилиха отправилась домой и скоро вернулась к нам с каким-то свертком в руках, попро-

сила дать ей небольшой горшок, в который и положила какой-то бывший в свертке металл.

— Що ви, бабусю, будете робить? — тревожно спросил я знахарку.

— А ось побачиш, серденько! — ответила с апломбом Терпилиха и попросила мать дать ей медный таз, налила его до краев водою и поставила табурет рядом с моей постелью.

Затем толстая Терпилиха, переваливаясь с боку на бок, своего рода помпою, понесла, в в сопровождении моей матери, горшок на кухню. Здесь, как я узнал потом, к сплаву металла в горшке, был прибавлен лой — баранье сало, и горшок поставлен был в печь на огонь. Когда расплавился металл, Терпилиха взяла горшок с клокотавшею жидкостью, обернувши его тряпкою и бегом, насколько позволяли ей толстые ноги и тучность, направилась ко мне; но, к крайнему огорчению знахарки, „нічого не вийшло". Жидкий сплав перешел в твердое состояние прежде, чем знахарка вылила содержимое горшка в таз с водою.

— От, бачите, матушко, — обратилась Терпилиха к моей матери, — я вам казала, що хороба не спроста; хтось став на дорозі і поперечив мені. Дивіться ще зробилось! — показывала она матери содержимое горшка.

— Що? Що таке? — живо заинтересовался я и просил показать и мне „що там таке?"

— Нічого, дитятко, не вийшло! — ответила Терпилиха и позволила и мне заглянуть в таз, на дне которого я увидел какую то серую бесформенную масу.

Терпилиха стояла с горшком в руках и многозначительно качала головою. Но тут нашлась моя мать, заметивши Терпилихе, что ничего не вышло потому, что горшок застыл, пока несли его из кухни через двор.

— Вітром його обдало... — пояснила мая мать.

— Та воно може і вітром. — Расглагольствовала Терпилиха, „тільки яким?" и она многозначительно посмотрела на мать. „Вітер вітрові різница. Коли не вішло і вітром обдало, то мабуть в тому вітрі було щось недобре, а може, і вітер хтось такий нарошне нагнав.

Решено было перенести меня и таз с водою на кухню и в самой кухне, вблизи меня „вылить переполох". Так и было сделано.

Обстановка изменилась и дело пошло на лад.

Наша кухня, под которою у Казаков вообще разумелось жилое помещение с печью для стряпни, представляла глаголеобразную комнату, в изгибе которой была расположена большая печь. Напротив печи у окна была лавка, на которую и положили меня, а рядом со мной на табурете поставлен был таз с водою. Я с интересом следил за тем, что происходило вокруг меня.

В кухне было необычайно жарко от топившейся печи. Терпилиха сбросила с головы платок и, засучивши по локти рукава полотняной рубахи, заметно оживилась, насколько позволяла это ее тучность. Когда-то красивое продолговатое лицо знахарки, — с тремя подбородками, последовательно падавшими один на другой, как ступеньки лестницы, на грудь толстухи, — горело обильно было покрыто потом; потны у знахарки были руки и, наверное, вся она. Серые, заплывшие жиром глаза, бегали и вращались в разные стороны. Выбившиеся из под чепца пряди волос придавали знахарке вид если не фурии, то во всяком случае чучела гороховаго. Сходство с гороховым чучелом было тем разительнее, что на Терпилихе крайне неуклюже сидел костюм. Отложения жира на пояснице были так велики, что темная ситцевая юбка знахарки падала вниз как бы зигзагами точно подол юбки был подрезан выемками. Каждое движение знахарки приводило в сотрясение жировые отложения тела и, казалось, двигалась не столько сама Терпилиха, сколько обволакивавший ее костюм. Знахарка, видимо, была в возбужденном состоянии, сильно сопела и порывисто дышала.

— Підложи комишу ще, підложи, Степанидо! — побуждала она Степаниду и лицо ее, — освещенное отблеском огня из печи, с крепко стиснутыми губами,—выражало непреклонную решимость сделать что-то важное, чрезвычайное.

Степанида, — в противоположность Терпилихе, маленькая, тщедушная женщина, боязливая и безответная, с лицом в виде сморчка, покрытым преждевременными морщинками, острым носом, карими глазами и почти полным отсутствием губ, до того оне были тонки, — из всех сил толкала в печку охапки камыша и при этом ежилась, испуганно поглядывая на внушительную фигуру знахарки.

Мать сидела у моего изголовья и молча наблюдала за происходившим. Я схватил ее руку крепко прижавшись к ней.

Когда огонь в печи достиг наибольшей силы, Терпилиха поставила в печь горшок. Сначала не было ничего слышно, кроме гуденья, врывавшегося в устье трубы в печке пламени, но вот что то заворчало и зашипело в горшке. Терпилиха, казалось, вся превратилась в слух и многозначительно подняла палец вверх. Я с'ежился. Степанида побледнела и тяжело дышала; мать ближе придвинула ко мне табурет, на котором сидела и крепко прижала меня к себе за голову.

Шипение в горшке становилось все слабее и слабее. Терпилиха стала тоже спокойнее. Степанида глядела на нас, как-то, растерянно, как бы пытаясь узнать. что же это происходит? . . Я недоумевал и все время находился в ожидании чего то неизвестного, боясь проронить слово. Тогда Терпилиха, хмурясь и что-то нашептывая, вытащила из печки горшок, но тут она снова пришла в ажитацию, вырвала из рук Степаниды тряпку, быстро обернула ею горшок и, как показалось мне, с испугом схватила его в руки и стремительно вылила содержимое горшка в стоявший возле меня таз с водою.

Тут уже и я воочию, убедился что произошло что-то необычайное. Казалось, что то самое шипение в горшке, которое так пугало меня и Степаниду, когда оно неслось из печи, превратилось здесь в какой то взрыв и все мы — я, мать, Степанида и особенно Терпилиха, были окутаны парами из таза, как туманом. Когда пар немного рассеялся, Терпилиха внимательно посмотрела на дно таза.

— Так воно і є! — воскликнула она, всплеснувши руками. — Жаба! настояща жаба!

Сплав был извлечен из таза и, хотя имел, по своей овальной фигуре, лишь отдаленное сходство с жабою, но все нашли, что из расплавленного металла действительно вышла жаба.

— Ишь! — говорила расхрабрившаяся Степанида. — Наче жива!

Опыт превращения расплавленнаго металла в разного рода фигуры повторился несколько раз и каждый раз получалась или жаба или „куций", т. е. нечистая сила, или, наконец, неопределенная фигура, но тогда, по мнению знахарки, фигура напоминала разом и куцого и жабу, так как налицо были и овальные формы сплава, напоминавшие, яко бы, жабу, и маленькие отростки металла, несомненные рожки нечистого, по толкованию Терпилихи. В конце концов Терпилиха пришла к тому общему выводу, что мою болезнь породили или жаба, „нечиста животина", или куций, „теж нечиста сила", или же вероятнее всего, оба они вместе.

— Не даром же выливается то жаба, то куций! — Поясняла знахарка. „Це така штука", — тыкала она пальцем в сплав, „що не обмане і в умілих руках, з молитвою виведе на чисту воду наших лиходіів".

Но где же, думалось мне, я мог иметь соприкосновеніе с этими лиходіями? Да и как это могло случиться?

— Купався, дитятко, в річці? — спросила меня Терпилиха, как бы в ответ на мои мысли.

Мне живо представилось, как мы в последний раз играли на речке в нырка, как весело тогда было и какие фокусы я выкидывал, — и на вопрос Терпилихи я ответил утвердительно.

— От, от! — воскликнула Терпилиха. — Купався і мабуть не перехрестився, як ішов у воду, от вона і ввійшла!

Я подтвердил, что не крестился, когда шел в воду и с любопытством спросил: „Хто вона"?

— Хвороба, дитятко, — пояснила знахарка. — Нехай тепер Господь Бог ослобонить тебе на весь вік од неі" — закончила она свой диагноз.

Но меня не удовлетворило это об'яснение. Если болезнь в меня вошла, то при чем же тут жаба или куцый? — недоумевал я.

— А що ж куций чи жаба зробили мені? — Спросил я бабу.

— „От вони, серденько, и навели на тебе хворобу" — раз'яснила мне простоватая и словоохотливая старуха.

— Як навели? — недоумевал я. — Може, бабусю, куций вліз мені в уха, як поринав я у воду?

Свят, свят, Господи Боже! — Только и нашлась ответить на это Терпилиха.

Мать, всегда сдержанная и серьезная, не выдержала и засмеялась.

— И на що тобі, Федя, все це знати? — прибавила она, как бы в защиту растерявшейся знахарки. — Хворобу-ж очами не побачиш?

Но и на этом не мог я успокоиться. Болезнь нельзя видеть, соображал я, но ведь она вошла в меня и вошла не сама, а жаба или куцый провели ее. Как же это могло произойти? Жаба велика, чтобы пробраться в уши или ноздри, а рот я закрывал, когда нырял. Разве куцый? Но что такое куцый, которого я никогда не видал, хотя и умел смотреть в воде? И мне представилось, как бывало желтела вода, когда в ясный летний день опустишься на дно реки и откроешь там глаза. Я припомнил, что в желтый цвет окрашивались на дне реки и водоросли. Должно быть, вывел я отсюда заключение, и куцый желтый. Куцого, как и жабы, я не боялся, потому что он, по моим представлениям, был не настоящий черт, раз у него хвост был куцый.

— А який, бабушко, бувае куций — жовтий він? — не вытерпел я, снова обратившись с вопросом к Терпилихе.

— Тьфу! тьфу! — начала плевать знахарка и крестить воздух во все стороны от себя. — Нехай він пропаде, дитятко! Він поганий зелений!

Это, однако, не только не разрешило моего недоумения, но окончательно спутало мои предположения. Куцый зеленый, а не желтый, раздумывал я, смутно сознавая, что я запутался и не могу взять в толк, в чем состоит моя „хвороба" и какое отношеніе к ней имеет куцый и жаба. От чрезмерного напряжения нервов, я почувствовал усталость, головную боль — общее недомогание и позыв ко сну. Я закрыл глаза и стал засыпать.

(Продолжение следует)

В. В. Акимов — Прага

О причинах Булавинского восстания

(Краткое содержание доклада, прочитанного в годовищину смерти Атамана Булавина. Прага, 24 мая 1935 года.)

Одним из важных моментов, предшествовавших булавинскому восстанию и отчасти предопределивших его, нужно считать конфликт между Доном и Москвой по вопросу о казачьих монастырях, расположенных как раз по границе между их землями.

Монастырей этих было три — Черниев-Никольский, оснований в 1573 году, Троицкий — Борщев, основанный в 1615 году и Покровский (женский), основанный в 1623 году. Все эти монастыри были основаны Донскими Казаками, постригавшимися разновременно в монахи. Помимо убежища для самих монахов, эти монастыри служили приютом и для увечных воинов,—Казаков, которых, принимая во внимание боевую жизнь Казачества, всегда было не мало.

До 1671 года монастыри эти ни в какой степени не были зависимы от московских учреждений и пользовались полной экстерриториальностью, имея административную связь с Донской властью.

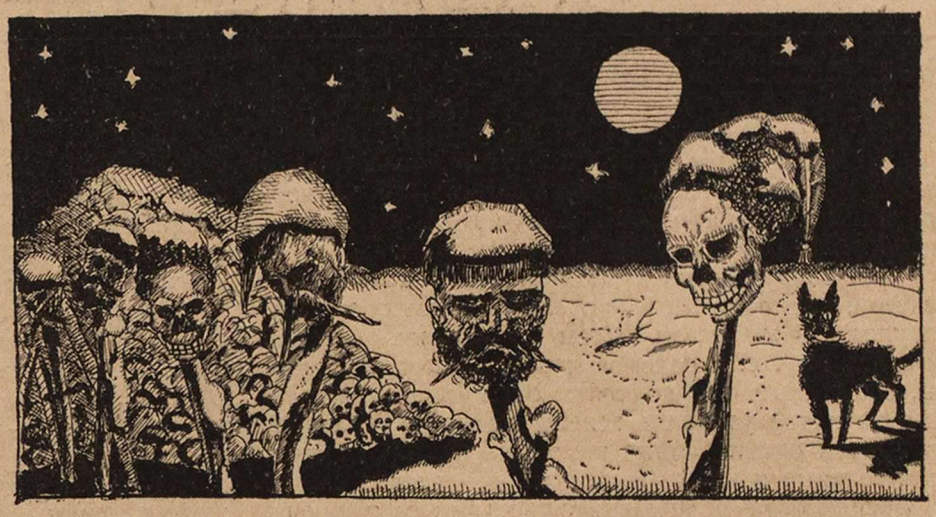
Но положение резко изменилось с того момента, когда Дон, под давлением Москвы и своей старшины, присягнул царю. Московская власть уведомила Дон, что отныне Казаки не могут вмешиваться в жизнь монастырей.

Одновременно с этим, почувствовав отсутствие у монастырей опоры у Донских Казаков, мужики например, жители города Кортояка, раззорили вотчину ближайшего казачьего монастыря. По этому поводу Игуменья Ульяна обратилас с жалобой в Донской Войсковой Круг, который, в свою очередь сделал соотвествующее представление перед Московской властью. Кончилось это тем, что Игуменью

Ульяну, за это самое обращение к Донскому Кругу сослали в Северский монастырь, где и приняла она мученический конец.

Подобная же история повторилась с Борщевским монастырем: монастырского казначея и семь монахов избили плетьми и сослали в Вологодский монастырь, а дьячка, писавшего челобитную в Донской Круг. с женою и детьми и четырьмя монахами избив кнутами, сослали в Холмогорский монастырь, где они все были уморены голодом.

Эти репрессии были первыми актами в стремлении Москвы уничтожить Донскую епархию и подчинить Казачью церковь Москве, чтобы через служителей религии проводить ассимилляционную политику в отношении Казачества.

Апофеоз (высшая награда) Казачеству за его вековую службу Москве.

Само собою разумеется, такие очевидные мероприятия не могли не вызывать острого чувства обиды в душах Казаков.

Это настроение еше больше обострялось событиями во внутренней общественой жизни Донского Казачества. Вплоть до 1709 года в области внутренней жизнн, Дон продолжал быть самоуправляющимся политическим организмом. Но приблизительно с первой четверти 17 — го столетия Войсковой Круг стал ареной борьбы двух казачьих партий: партий старшинской, иначе называвшейся московской, которая состоя преимущественно из лиц, обласканных Москвой, всегда защищала интересы Москвы и опиралась на нее, и партией независимости Дона, иначе называвшейся казачьей партией, которая, во всех случаях столкновения московских и донских интересов, защищала принцип довления последних над первыми.

С течением времени, борьба эта все больше обострялась, стороны на занятых позициях крепли и все дальше разходились. Московская партия не упускала случая жаловаться на своих противников в Москву и выклянчивать себе всяческую помощь. Такое внутреннее расслоение казачьей общественности, в котором одна сторона опиралась на внешний фактор, нужно рассматривть как второй важный момент, который предопределил неизбежность бурной реакции.

Третьим важным моментом, способствовавшим обострению чувств и настроений, оказался вопрос о возведении Москвой крепостей с русскими гарнизонами на территории Дона. Так, например, Дон воспротивился намерениям Москвы построить крепости на Казачьем-Ерике и на Каланчинском протоке. Москва видела, что для закрепления Дона за Россией, кроме привлечения на свою сторону старшины и церкви, необходима еще и наличие на Дону сильных военных очагов и желала приступить к возведению крепостей в стратегически выгодных пунктах. Донские Казаки смутно чувствовали значение этих мероприятий, предвидели их результат и всеми силами противились проведению их.

Ко всем этим перечисленным моментам в 1703 году присоединился еще один, который также вызвал среди Казаков много толков, разговоров и отпор. Это — попытка царя Петра I провести на Дону поголовную перепись. Однако, присланые из Москвы чиновники (Пушкин и Кологривов) не смогли выполнить свою миссию.

Налицо было явление, когда Дон, формально, путем, сложения присяги, подчинившийся Москве, фактически не давал центральной власти возможности провести ни одного более или менее важного мероприятия.

Из этого ясно что такое положение продолжаться долго не могло и что оно должно было, рано или поздно, привести стороны к крупному столкновению. Нужен был только какой нибудь сильный толчок.

Таким толчком и послужил конфликт по вопросу о казачьих солеварнях у городка Бахмута. Эти солеварни были источником значительного благосостояния бахмутских Казаков. Соль являлась предметом вывоза в Росию.

Ясно поэтому, что когда российские мужики, поддерживаемые командирами пограничных русских полков, посягнули на казачье добро, а за ними и само московское правительство наложило свою руку на этот источник казачьего богатсва, и без того натянутое настроение пограничных с Россией Казаков разрядилось актом открытого противодействия, который и дал толчек Булав. восстанию.

Таким образом, те казачьи „историки“ (как напр. Чапчиков), которые Булавинское восстание ограничивают только вопросом о Бахмутских солеварнях, и этим хотят об‘яснить все движение частным случаем хозяйственного характера, грубо ошибаются, или сознательно передергивают.

Борьба у бахмутских солеварен явилась только толчком, который разрядил сгущенную атмосферу, насыщеную еще до этого момента электричеством в результате целого ряда столкновения интересов Дона и Москвы, а главное желанием большинства населения Дона быть самостоятельным и слишком поспешными черезчур явными и обидными для казачьей психики закабалительскими мероприятиями Петра- I - го.

Дальше автор доклада излагает этапы борьбы Булавина с петровскими войсками, уже многократно описанные и известные читающим Казакам. (Редакция).

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

С. Балыков

На пепелищах

Многолюден и богат был хутор Боглаев. Хоть маловодна и болотиста речушка Богла, но по черноземным лугам, образованным ее извилинами, цвели обширные плантации.

То вокруг лугов и плантаций, то вдоль самых берегов, на много верст, авулами родовых костей, тянулся старый хутор. Серые землянки, крытые камышом, кугой и соломой сараи, конюшни и амбары, сложенные из колючек базы преобладали в нем, но хутор утопал в зелени садов, а красные, голубые и оцинкованные жестяные крыши, да желтые, зеленые и красные окраски деревянных домов хуторских богачей полевыми цветками пестрели по хутору и красили вид.

По ту сторону речушки, по отлогому и длинному холму, вольно разбредясь, пестрели гурты скота и залежавшими пластами снега белели отары овец. А по эту сторону, по многоверстной степовой равнине, паслись многочисленные стреноженные или спутанные кони и шайки беспокойных телят. А дальше, уже, зеленело море покосных паев и волновались, тихо шелестя, полосы хлебов.

По хутору, меж дворов и авулов, по улицам, то узким и извилистым, то широким и прямым, как шляховая дорога в степи, мелькали пестрые и яркие халаты Калмычек, сверкали расшитые золотом джатаки барышень, подсолнечной головкой желтел верх хаджилги, цветущим маком алели лампасы шаровар и околыши казачьих фуражек.

Мир, довольство и покой царили в этом краю! . . .

Не много лет прошло, а ныне уж не верится, что полутора десятка лет тому назад здесь было так. Только природа та же: также по весне ласково греет солнышко, также буйно зеленеет травами степь, но жизни той уж нет . . . Словно адовым огнем пожгло все, потопом бущующим смыло и тысячи посланцев смерти с косами и метлами прошлись по степи Калмыцкой.

Не тот уж и хутор Боглаев: два десятка маленьких обколупленных землянок, при небольших кучах буреющей соломы и черноверхих стогов сена, убого ютятся у старого, полуразвалившегося деревянного моста через, ту же, речушку Богла. Ни садов, ни плантаций нет.

Меж землянками вяло снуют люди в безобразных лаптях, в грязных и смердящих онучах, обмотанных обрывками веревок, в полосатых ряднинных портках и латаных мешочных рубахах на голые тела. Вечно вшивый и вечно почесывающийся мужик завладел Боглаем. Хутор Боглаев теперь не калмычий. Это — мужичий поселок. На опустошенную красною смертью степь налетело с севера прожорливое воронье. В пустые землянки Калмыков вселился московский наброд и за одну зиму слизали все. Повырубили и пожгли фруктовые сады, разобрали и растащили деревянные постройки, попалили все, что может сгореть. Пришли на чужое богатство, но остались попрежнему нищими. Собачье брюхе не переваривает масло . . .

Как каменная „баба“ на кургане в казачьей степи напоминает о народах неизвестных, когда-то живших здесь, так немым напоминанием о недавной были, угрюмым бирюком живет на окраине этого мужичьего Боглаева старик-калмык Баян.

В крохотной землянушке, заросшей бурьяном, с двумя сиротами — внуком и внучкой — убого живет старик. Внуку, живому и сообразительному Ошкуну, — 7 лет, а смуглой и ласковой к дедушке Замбе уже — 16. Знает Баян, что пора и ему выбраться отсюда туда, где есть еще Калмыки — придушенные хозяева взбулгаченной степи, но тяжело старику покинуть навсегда родные берега Боглая.

Уж сколько раз он говорил детям: „Завтра пойдем в калмыцкий аймак“, сколько раз он задерживал с утра свою единственную коровку, но каждый раз сжимающееся болью сердце и вздымавшиеся легкие заставляли его откладывать. „Нет, поживу еще немного дней . . . Дети еще малы, успею их своевременно доставить в калмыцкую среду“ — утешал себя каждый раз Баян.

Выпустив пасться коровку, он уходил, обыкновенно, в таких случаях, бродить вокруг хутора, по пепелищам старого былого Боглаева. „Ну вот, было покинул вас, да не смог“ — будто говорил он здесь, меж остатков хутора.

Каждый завалившийся и засохший колодец, полуистертая канава, обросшие бурьяном развалины саманных стен, заросший травою бугорок золы, пенек срубленного дерева, полусгнивший кусок столбика в земле — все было ему знакомо и напоминало иные дни, иных людей, дорогих и милых сердцу родных, добрых соседей и друзей . . .

Во время таких прогулок по развалинам былого хутора Баян делался ненормальным: Он начинал говорить сам с собой, размахивать руками, качать головой, то убыстрять шаги, то останавливаться, забывая обо всем. Если в такие минуты попадался ему на глаза мужик, он сперва удивленно таращил глаза, а потом вздрагивал, отворачивался, скрипел зубами и плевался.

Из таких прогулок редко Баян возвращался сам. Прождав до обеда, или до вечера, Замба или Ошкун отыскивали дедушку и приводили домой. Ведя за руку внука или внучку, дед говаривал: „Вот в этих стенах жил мой старший, выделенный, сын. В том году, когда красные взяли в свои руки закон, ворвались однажды ночью четверо вооруженных мужиков и вырезали всю семью . . . И ни суда, ни следствия. Тьфу!.. Это закон красных. А эта канава сенника моего зятя, который убит в бою под Куберлой. А жена его умерла в голодный год с двумя детьми. Трое сыновей и четверо дочерей у меня было, и все были выведены в люди!.. Теперь я — один, только двое сирот и осталось у меня. А те пни, что как галки на пашне чернеют, это остатки громадного яблоневого сада богача Санчира Пукова . . . Бывало, как зацветет весною сад, или начнут зреть летом яблоки, так на целую версту пахло яблоками!.. А это... могила моей

старухи. Тридцать лет в ладу прожили. А вот там стоял дом богача Цебека Мангатова, а выше, как раз над той балкой, был двор Одыка Далдурова, через балку, напротив, Мелика Сухаринова, дальше были дворы братьев Сасыковых, а там уже авул Сафоновых . . . богатые были хозяева! Жил и я хорошо — моя пара вороных и ездовой рыжий славились на весь хутор, был скот, амбар бывал полон зерном . . .“

Сироты, внук и внучка Баяна, непомнящие почти никого не свете, кроме доброго и болтливого дедушки, как чудную сказку слушали россказни деда о былом, богатом и многолюдном калмыцком хуторе Боглае. Десятки и сотни имен, от голода умерших или убитых большевиками людей, запомнили они от деда, как героев сказок, невольно запоминали недавнее прошлое каждой кучи глины. А сами они знали только голод, убогую жизнь. Но они были дети. Они незнали иной жизни. Они росли сегодня.

Было начало осени. Был тихий, ясный, теплый, день, когда по воздуху носились нити белой паутины, наматываясь на кусты, на одежи и лица людей. Баян еще с вечера принял твердое решение — на другое утро уйти с детьми в калмыцкий аймак на Салу, где собрались немногочисленные остатки хуторов когда-то большой станицы Бокшурганова. Старик вчера видел, как Замба и Ошкун оживленно и без злобы болтали с двумя мужичьими парнями. Понял Баян, что в душах этих детей нет того чувства, какое гвоздем засело в его мозгу.

В этот день далеко забрела по балкам их коровка, и Ошкун до темноты бегал, ища ее. А дедушка, надев свой старый легкий кафтан, еще засветло пошел последний раз побродить по оставляемым пепелищам родного хутора. Хлопотливо готовилась к завтрашнему дню Замба. Она впервые появится в большом калмыцком аймаке.

Тщательно вычистила девушка старый, оставшийся от матери, расшитый золотом бархатный джатак, хранимый ею пуще ока, выстирала и посушила свой зеленый бешмет, сшитый ею по указанию дедушки из подкладки его ватного кафтана, и древесным углем, растолоченным в ложечке молока, почернила головки от старых сапог, служащие ей праздничной обувью.

Между тем настал вечер, стало темно, а дедушка не возвращался. Как только Ошкун вернулся с коровой, Замба побежала к развалинам — искать дедушку. Быстро обежав пепелища „нашего авула“, как называл дед одну часть хуторского следа, она пошла дальше по пепелищам „авула кередов“ и наткнулась на трех мужичьих парней, преградивших ей дорогу.

— Хлопци, чи не видали нашего деда?! — спросила Замба и хотела пройти мимо, но один из парней схватил ее, шершавой и горячей ладонью вмиг зажал ей рот и повалил. Задыхаясь и натужась, чтобы крикнуть, она увидела еще тени, сбегающиеся к ней . . .

Дед и внук только с рассветом нашли труп Замбы. Маленькая, скомканная, в разорванном бешмете, с ужасом в остекляневших глазах, со следами насилия, лежала она на дне сухого колодца . . .

Навзрыд ревѣл маленький Ошкун, а дед окаменело молчал. Заявив поселковой власти о трупе внучки, в тот же день одел старик Ошкуна, указал ему дорогу, дал в руки палку и приказал идти в калмыцкий аймак.

До опухоли глаз заплаканный Ошкун, погоняя впереди корову с телком, маленькой черной точкой пошел по дороге в калмыцкий аймак. Он думал, что дедушка, похоронив Замбу, придет за ним . . .

Донская Конституция по граббевски (кумир „русских казаков в эмиграции“).

Темен был тот осенний вечер. Взволнованный „шалостями ребят“, мужичий хутор был тих. Не пропели еще полночные петухи, как на краю села запылал пожар. Сейчас-же, одни за одним, то там, то здесь, стали вспыхивать сараии гумна мужиков.

Испокон бестолковое и обалделое стадо му жиков, охая и матюкаясь, бессмысленно заметалось от огня к огню, а обезумевший Баян, ужом проползая по канавам, прячась по теням, перебегал от двора ко двору и жег село.

К утру, когда весь хуторок дымел в развалинах, а мужики, с дубинами, вилами и косами, звериной гурьбой пошли к баяновой землянушке, на крыше ее разгуливал высокий белоголовый старик — в чем мать родила — и скрипучим голосом громко распевал боевую поэму „Джангар“.

Казаки, независимо отъ ващих политических убеждений сообщите свои адреса в редакцию журнала „Казакия“, на всякий случай.

Станичники, не забывайте о материальной поддержке на издание родного журнала „Казакия“.

В. П. Елисеев — Румыния

Паук

(Из цикла повестей „За Казачество").

„ . . , а Новочеркасск теперь-забытая заросшая
сорной травой, — могила..."

(Из писем с Дона)

Под навесом сгорбленной, как столетняя нищенка и как бы прихрамнувшей на одну ногу, низкой убогой хатенки „колхозника" Семена Попова; поверх единственного ее, в два крошечных кружка-оконца, чрез которое только и проникает Божий свет, развесил свои искусно расшитые ниточные тонкие уборы паук, запасливый хозяин и опытный охотник, но вместе с тем, страшно прожорливый и ненасытный. И, как будто, так и надо: эта-то самая необыкновенная прожорливость, ненасытность паука и вложили в его паутиновое царство какую-то необ'яснимую гипнотическую силу, невольно затягивающую в свои тонкие, но крепкие мрежи каждую летающую, возле него, любопытную муху.

Обыкновенно паук сидит, забившись в самый отдаленный, темный угол расшитого им, как на полотне, царства, откуда и наблюдает, спокойно, за жужжавшими, в лучах солнца резвившимися, мухами. Но как только заслышит первое жужжание мухи, так сразу же загораются в его глазах два ярких огонька, и он тихо, не двигая своих нитяных дорог, танкой ползет по ним, как по струнам арфы.

Очень редко, когда паук бывает сыт. Но эта редкая его сытность совсем не уменьшает в нем той радости, которой он исполняется, при виде попавшей в его сети и жалобно жужжавшей жертвы. Тогда паук только ползет к ней немного тише, но ползет с той же присущей ему всегдашней степенностью и с тем же лакомством, как будто, давно-давно не евший.

Муха испуганно б'ется, старается выпутаться из малозаметного, но крепкого и страшного дворца, а паук степенно и аппетитно улыбается. Полный, круглый живот его вздрагивает и пограмыхивает, как барабан по мерзлым кочкам.

Надо сказать, что паук, — облюбовавший невысокий навес покосившейся на бок хатенки Семена Попова, местом основания своего царства-паук не обыкновенный, а из самых породистых „видных" пауков. Спина, правда у него, как спина у всех пауков-синяя, испещренная черными пятнами; живот у него белый и круглый. Но величиной этот паук отделяется от обыкновенных пауков. Величиной он с азовский орех, даже и похож, особенно издалека, на него.

„Дура, не видишь, — чтоль? Вместо того, чтобы распутываться, ты, ведь, еще больше запутываешься", — радует муху. А сам довольно улыбается. Муха же, из-за шума собственных крыльев, не слыша замечание паука, продолжает растерянно биться, все больше и больше запутываясь. „Напрасно, — повторяет уверенно паук, — ты ведь, в моей уже власти. Да и какая ты бестолковая. Ведь, стоит только посмотреть кругом, чтобы все понять . . ."

На низкой завалинке, этой с поломанным хребтом хатенки, по крошечному оконцу которой так искусно расшил свое узорчатое царство породистый паук, сидит в изодранном рубище старик. не так по годам, как по лютой его, преждевременно состарившей, жизни, „колхозник" Семен Попов. Его лицо, покрытое глубокими бороздами-морщинами, уставшее; свинцовый взгляд полон скорби и страдания.

Сегодня трудодень, но „колхозник" Семен Попов, тем не менее, сидит, не работает-отработался. Да и что там говорить! Не только отработался, а, вернее, отжил. Плохой жилец на свете „колхозник" Семен Попов.

Живой труп я. Не больше, не меньше, — думает он, машинально наблюдая за бьющейся, в сетях паука, неосторожной мухой . . .

Муха, или от того, что устала или от того, что, все же, поняла страшный смысл победных слов паука, наконец, перестала жужжать и биться и, с невыразимым страхом, выражающим не только боязнь, но и недоумение, уставилась боязненными, растерянными глазами на горячо дыщащее, пыхтящее перед ней, дыхание.

Уставилась . . . Но, не выдержав живоядного взгляда паука, отвела глаза в сторону . . .

Все дырявое, раскинутое от него во все стороны, круглое полотно нанижено, как партитура музыкальными нотами, без числа и разных величин, — давно окаменевшими мухами . . .

Поняла муха все . . . И, поняв, смиренно обратилась к пауку с последней, оставшейся еще у ней надеждой: стала просить его о помиловании . . .

Что значит жизнь! — вырвалось у Семена Попова... — Мухе и то не хочется умирать потому и бьется до последнего издыхания, хватаясь за жизнь,

Мухе! А человеку? . . Ох! — тяжело застонало из харкнувшей кровью слабой, заваленной груди Семена Попова . . . Ох!!.

Если бы родная вода
Да вспять побежала,
Если бы можно было
Да начать жить сначала . . .

Опустил седовласую голову свою Семен Попов — и больно смотрит на изодранные штанины „колхозника" Азовско-Черноморского Края . . .

Чем был и чем стал . . . Мухой . . . Вот той, что бьется в сетях паука . . .

Ни семьи, ни родных, ни хозяйства. Один, как палец. Кругом-чужие.

Одно слово — муха в сетях паука. А паук (только мой паук не столь породистый, но еще имеет и козырек) володеет Родной землей. Режет, полосует, четвертует ее, как благорассудится его пауковому, торцовскому „ндраву" . . .

— Помилование? Говоришь о помиловании? — удивился паук. Ты, муха, как видно, не имеешь никакого понятия о том другом, совершенно противоположном просимому тобой помилованию, — **о силе.**

Вглядись-ка получше в меня: ну, имею ли я хотя слабый намек на существо, выражающее собой какое-либо помилование? Нет. Совершенно не имею. И правильно, что не имею. Ибо между **силой и помилованием** абсолютно не существует никакого соотношения. По самой простой той причине, что сила уничтожает помилование. Впрочем, я не люблю долго, да еще о пустяках, болтать: имеешь — ли Бога? — я имею. Только своего, сила — мой бог. Слыхала, небось, про нас — про богоносцев? Мы носим бога—силу. Молись ему — готовься проскочить в мой живот. Видишь какой он у меня удобный — вместительный. Ха-ха-ха. — и паук танком направился к мухе, пограмыхивая вместительным животом, по элластичным струнам своей арфы.

— Нашла кого просить о помиловании, — думает Семен Попов, следя глазами за степенно переваливающимся на своих тонких, но крепких дорогах, пауком . . . Просит паука, у которого бог-сила. И сила-то какая. Направленная специально на уничтожение других. Делается сильным за счет поедаемых им мух. Других путей для искания своей силы паук не знает. Разбросал свои сети от себя по всем направлениям и живет паразитом за счет мух, увеличивая свою силу, с'едая их живьем.

Нет, муха, не расчитывай ты, легковерная, на милость паука. Паук-паук. А ты лучше будь более осторожной-не попадай, противься их гипнотической силе, в его так хитро, — „искусно" развешанные сети. Знай, что своею смертью, очень пауку полезной, ты укрепляешь силу и недостойную жизнь паука-паразита. Если бы вы, мухи, сами не льнули, в смертельные для вас, сети паука, то он не только не был бы сильным, но подох бы голодной смертью, ибо он живет и силен не трудом, работой, а „искусной" охотой...

Интересно расписал, как по маслу, как нужно жить мухам, чтоб они не находили себе смерть в сетях паука. Правда, говорится, что „чужую беду-руками разложу, а своей-ума не приложу"... А я-то, я-то сам, не обязан своей неосторожности, неопытности, своей политической слепоте, незрелости? Мы-то, Казаки, не пробились целых три года между огнем и полымем? Мы-то, не находили себе смерть и в „белых" и „красных" паутинах паука в козырке? Мы-то, еще оставшиеся в живых, не бьемся в проклятых сесях сатаны въ козырке. Мы-то славное и могучее Казачество, известное всему миру своей удалью, отвагой, своим казачьим честным именем, не дошли до того, что

над нами распоясался безнаказанно во всю ширь „богоносец", сатана в лице русского генерала, солдата, интеллигента, мужика? Не водил нас в темноте бес, не кружил нас по разноцветным паутинам сатаны-паука? Не направлял отца на сына, а сына на отца, брата на брата?..

— Да, ведь, имеешь такой огромный запас корма... Ведь все твое паутиное царство усеено мухами... — Ну и что ж? — грубо оборвал паук муху. Это тебе не дает никакого права на спасение.

— Но все же... Значит, без изключения? Как будто мы, мухи, не имеем никакого другого на земле назначения, как только жить для нужды твоего вместительного живота?..

— Смотри же, на нее, дуру... Да какое же другое земное назначение ты хотела бы иметь? Неужели же то, что я тебя сейчас проглочу-а я, как раз, поимел такой аппетит, что не буду и держать тебя в своем запасе—не является для тебя, бестолковой, наивысшим твоим земным назначением?.. Ведь, снова тебе повторяю, ты кто? — Презренная нисшая тварь, которая, кроме летания и назойливого жужжания ничего другого не знает, да чего либо другого тебе и знать, не полагается. Ты — червь, раб. А я?.. Я — царь. Я — Бог??. По какому праву? Да все по тому же. — По праву **силы**. Ты только, слабое создание, посмотри на созижденное мной многодорожное царство. Ведь все, что ты видишь путь-Сила, сплетенная с Знанием и Изкусством. Жаль только, что ты своей слабой головой не можешь об'ять смысла и значения этих не по твоему слабому уму, великих слов: Сила, Знание, Искусство. Смотри пристальнее на эту, окаменевшую армию твоих собратьев! Может быть, хоть отчасти, поймешь смысл слов, начертанных на моем пауковом **праве**, — сказал паук, впав в патетический экстаз артиста на сцене.

— И вся эта великая мертвая армия моих собратьев, попавших сюда, благодаря начертанных на твоем пауковом знамени хитроумных слов: Сила, Знание, Искусство, обречена для твоего распухшаго, об'емистого живота?

— Ну, да, — согласился паук, видя, что, наконец, муха начала его понимать.

— Да. Теперь я об'яла... И поняла... Беда наша великая в том, что мы, мухи, не об'единены в одно целое мушиное царство, — грустно бросила пауку муха. — Как! Что! ты, низкая тварь, сказала? — засуетился нервно паук по своим дорогам. Муха же, кроме большого, круглого, как шар, его живота ничего больше не видела...

Черными, грозовыми тучами несутся больные мысли в голове Семена Попова. Рвутся крепкие канаты в его измученном, слабом теле. Вертится перед, ним: круглым животом паука-весь Черноморский Край.

С'едают... С'едают... С'едают... А, ведь, было же время, когда Дон, охваченный пламенным порывом самоспасения, изгнал из своих пределов до последнего козырька.

Ведь, это было на его глазах и при его личном участии... И Семен Попов охваченный уже давнешней, но еще живой нитью былого, задумался...

Кто бы мог предугадать из нас, горевших тогда честным порывом самозащиты, что нас постигнет такое лихолетье? Кто бы мог подумать, что все эти бесчисленные жертвы, редкие в любом народе, славные победы приведут Дон и все восставшее тогда Казачество к таким плачевным результатам! Что разбросает Дон своих Казаков по Сибирским тайгам, Соловецким тюрмам, Уральским заводам, чужим и далеким царствам! Кто же мог допустить, что придет то лютое время, когда моих кровных два дитя (Семен Попов перекрестился) умрут голодной смертью (все просили, умирая, пирога)!!.

Ходят катки по посаду. Бьют высоконастеленные жесткие стебли бурожелтой пшеницы. Через час на „посаде" — белая мягкая под ногами солома. Через другой пыльная с зерном полова. К Покрову, вместо стройныо острых скирдов, стоявших развернутыми задами кругом тока, — один, единственный скирд белой соломы. Это все, что осталось к осени на току, после шумной, веселой летней поры. И стоит одиноко скирд оставленной соломы в пустынном поле. И слушает холодное, неприветливое завывание сердитой вьюги, вспоминая недавно минувшее веселое и многолюдное лето...

Так и Семен Попов. Один, чужой среди чужих, на этой облупленной завалинке, в изодранном рубище и с такими душераздирающими думами...

Лютая жизнь „колхозника" Семена Попова. Душит его паук-негодяй в своих проклятых сетях.

Есть еще на свете один, оставшийся в живых, Антон (брызнули ручьем слезы из глаз Семена Попова), Антоша... Сынок. Работает, дорогой, где-то на германских заводах. Услышет ли?.. Все жду, надеюсь. Не хочу умирать рабом на **своей земле**. Самая позорная смерть...

... Паук, немного успокоившись (очень разнервничался, когда муха намекнула ему о своем, мушином об'единении) и, даже, как бы, возвратив себе свое прежнее душевное и трупное настроение, пустился с совсем ослабевшей мухой в настоящее, прямо-таки, филосовское рассуждение. Начал доказывать мухе о приличествующих его званию („званию высшаго существа") бесспорных правах на эксплоатацию и полного господства над всеми насекомыми породами в мире; о своих, задуманных им, великих победных планах и об основании единственного на земле „великого и сильного паукового царства, построеннаго по принципу: **сила-право**. По принципу разрушения...

— Видишь ты, полумертвая муха, эту тонкую, так искусно мной засученную, паутину, в которой ты бьешься, и в которой так много, из твоего мушиного народа, нашли свою верную смерть. Видишь? Так знай же, что не только вы, мухи, а весь насекомый народ, сущий на земле, по заготовленному мною плану-будет мной уничтожен—, с'ед...

Не кончил слова паук...

— В этот самый момент Семен Попов схватился, как больно ужаленный с своей завалинки, схватил стоящий у порога хаты, обгрызок веника и сердито метнул им по пауковому ниточному царству. Паутина (сила паука), вместе с нанизанной не нее бережно многочисленной мертвой провизией, сам паук-самохвал, — все, в многовение ока, очутилось на обгрызке веника Семена Попова.

Подложив веник под дырявый, но грузный сапог, Семен Попов надавил на него со всей силой охватившей его злости. Треснуло лопнувшим барабаном набукшее белое пузо породистого паука...

Вошел в хату — посветлело... Так, бесславно закончил свою хитрую, „искусную" жизнь породистый паук...

А муха, спасшаяся благодаря слепой судьбе, вылетая из под навеса убогой хатенки Семена Попова, радостно зажужжала: — Ж-ж-ж... „Знала я, что есть правда на свете"...

Мало ли в жизни случаев „слепой судьбы" зажужжала...

Кошкин

„Вперед"

Из цикла славянских песен
„За освобождение" (в переделке)

I. За коварные обманы,
За насилия и раны
Отомстить пришла пора.
И Казачьими полками
Ощетинившись штыками
Громко крикнем мы ура...

II. И отъ моря и до моря
Поднялся Казачий вал
И, призывам братским вторя
Зашумел у грозных скал.

III. И по нашей всей границе
Блещут вещие зарницы,
Трубы звонкие трубят;
Громовые, грозовые
Тучи мраком повитые,
Над Казакией висят.

IV. Станиц цветущие долины
Обезлюдили кругом
И Казачие дружины
Уж не стоят перед врагом.

V. Так дружно братцы к жизни новой
В бой последний в бой крестовый
Мы пойдем все в этот час
За погибших, угнетенных,
За потоки слез бездонных —
Богъ свободы поднял нас.

VI. Пусть вражда чернее ночи
Преграждает славный путь
И завистливые очи
Сеют злобу в нашу грудъ.

VII Так дружно ж, братцы шаг зашагом
По скалам и по оврагам
Смело двинемся вперед
Искупив неволи годы
Бог победы, Бог Свободы
Нас на подвиг поведет

VIII. Нам поможет в деле правом
Он, свой грозный суд творя,
И над сумраком кровавым
Встанет светлая заря.

А. Тавлинцев

Песнь проводов

(Казачий отрок)

Хуторъ Старый, из нескольких десятков куреней, выглядит заброшенным в степи. До станицы-верст десять. Железная дорога, пролегшая в нескольких верстах, да бегущие вдоль ее телеграфные столбы, единственно напоминают о связи его с остальным миром.

Ровно и четко вырисовываются провода на фоне неба и то-ли жалобятся степи на свою заброшенность, то-ли поют тоскливую песнь о чем то-не поймешь их тонкозвучного языка . . .

Идет от них по степи заунывный гуд:

Мм . . . мм . . . мм . . .

. . . В этот день с по-заранку стали кучиться над хутором облака. Свинцовыми глыбами они сплывались в одно неприглядно — серое море, бросающее унылую тень на земную твердь. Стылая земля, таившая кое-где в смерзших кочках небольшие глыбки снегу, зябко корежилась в набегавшей ледяной поземке.

Был канун Рождества.

По хутору-стылая тишь . . . Редко промелькнет, вдоль плетней, спешащий хуторец, да нерешительно проскрипит, где нибудь, колодезный журавель . . .

Только недавно пронеслись грозовым шквалом повальные обыски и горе было укрывшим от ненасытной власти что-либо „про черный день“ . . .

Курень, в котором проживал Васютка Лычков, стоял на самом краю хутора и баз его, едва намеченный полуразвалившимся плетнем, почти сливался со степью. Жил Васютка в хуторе уже года четыре-с момента высылки родителей, „за кулачество и саботаж“, в Нарымский край. Его, как малого, шестилетнего ребенка, не могущего перенести тягот невозможного путешествия, отдали дальней одинокой тетке, проживавшей в недалеком хуторе . . .

. . . Тетка еще с утра ушла куда-то: она промышляла знахарством и к ее помощи прибегали все окресть-болящие. Хотя Васютка и помагал тетке по хозяйству, но в сегодняшний день делать было вовсе нечего. В школу же он не пошел, хотя за это и грозило наказание, потому все ученики были официально предупреждены „шкрабом“ о какой-то „нагрузке по ликбезу“ по поводу предстоявших „отмененных великой октябрской революцией старорежимных праздников“.

Он лежал на затасканном своем полушубке, заложив руку за голову-и, бездумно, смотрел в задымленный поток, когда в окно кто-то тихонько постучал.

— Кто там? — отозвался Васютка. — Это-я! Иди к Заметновым: у них для тебя весточка получена, — быстрой скороговоркой забарабанили слова.

— Да ты войди! — но уже послышался топот убегавших ног.

Сквозь заиндевевшее окно голос звучал глухо и чуждо, но Васютка, тотчас же, признал по нем соседнюю девочку Машку, с которой его связывала общность одного соседского плетня и разделенность детских игр в его суровой „лишенской“ доле.

— Чтоб это за весточка была? — думал он. Уже четыре года, как высланы в далекие края отец, мать и старшая сестра, а брат пропал, где-то, за морем, в отступе. С тех пор-ни о ком из них-ни слуху ни духу. При этом воспоминании пробежала по нем томительно-жгучая дрожь неясной надежды . . . Увы! Все эти четыре года, когда за саманною стеною колыхалась ночная тишь, наползающая со степи на хутор, часто жадно он прислушивался ко всякому шуму, шедшему извне: не идут-ли? Не свои-ли это? Но гулял-джигитовал на просторе степовой ветер, не слыхал притаившейся детской мольбы, гудел подоконницею, тряс ставеньками, шолохтел в низко подрезанных будыльях, и развевал-растрясывал по степовому безбрежью людскую жалобу-печаль . . .

И бежали годы скучными серыми днями, неприветливыми чужими лицами заглядывали в истомленную ожиданием детскую душу, не приносили ни ответа, ни привета . . .

А в душе грозно накипал протест: — О, растреклятые! . .

И крепло решение: — Дай вырасти! Там в станице, в углу пошатнувшегося сарая, средь разросшегося бурьяну, выкопаю дедовскую шашку. Заржавела она, должно, но отчищу ее я . . . и тогда . . . тогда не попадайтесь товарищи мужики! . .

И детские кулаченки сжимались и грозили в пространство-туда, откуда, по разбитому частыми выбоинами шляху, прилетали тарахтящие грузовики, откуда доносились вопли увозимых ссылаемых . . . Все подобные мысли, неизбежно, приводили к станции, откуда по железной дороге, шипя и грохоча составами, длинные, красновагонные поезда увозили Казаков на далекий север, туда в „Рассею“, откуда редко-редко прибегали весточки в родные хутора и станицы . . .

И не одной слезой были вымочены эти, писанные на пожелтевшей оберточной бумаге, послания, получаемые станичниками . . .

Но он, — он не получил ни одного . . .

— Не откуда мне получать никакой весточки, разве што в школу вызывают, или Машка пошутила, — окончил он свои размышления.

Но в пустой, выхолощенной, хате делать было решительно нечего и, натянув ветхий полушубок и нахлобучив, не менее поношенную лохматую папаху, он выбежал наружу. Серый день принял его в свои об'ятья.

Тесными уличками и проулками добежал он до двора Заметновых и постучался в знакомый курень.

Ему открыла сама Заметнова, у которой муж и брат тоже были в ссылке.

— А это ты Вася! . . Иди, тут . . ., и она запнулась: перед глазами у нее проплыли роковые строчки:

„ . . . А еще передайте Васютке Лычкову, ежели жив, што родитель его пропал без вести при пересылке в соседний лагерь, а мать и сестра Нюрка в прошлом году померли также, как и Степана семья и . . .“ дальше шло перечисление уже чужих имен.

Она мялась и не знала как начать подготовительную речь . . .

— Пишет мой Андрюша, што дюже много народу померло в прошлом году . . . мор какой-то там особенный вышел . . . Да-а иди-ка сюда в горничку!

У Васютке вдруг захолонуло сердце горьким предчувствием:

— Сказала мне Машка, што имеете что-то для меня . . ., он уже боялся сказать что именно. Заметнова протянула ему, нерешительно, письмо . . .

На, читай! и отвернулась, будто занялась чем-то. Но уже Васютке не нужно было прочитывать письмо до конца: по ея тону и выражению лица он предугадывал жуткую истину.

Когда роковое место были прочтено, проступившие, было, на глазах слезы-высохли. И, вместо них, в его, не по возрасту серьезных, глазенках засверкали искры гнева на угнетателей, на тех кто разогнал по белу свету их дружную семью, кто уморил на далеком севере родителей, кто заставил его с детства мыкать горе по чужим базам . . .

Не прощаясь и не сказав ни слова, он выбежал из хаты. Горе залегло жгуче-тяжелым камнем в груди, но снаружи ни слезинки . . .

Только затрещали невидимые жужжалики в ушах, да стало трудно дышать. Он побрел к себе домой с тяжелой головой. И вдруг выплыла в сознании и стала повелевать одна грозная мысль и уже ни о чем другом не мог он думат: — Отомстить! За мать, за отца, за сестру, за беспросветную жизнь . . . и он знал, в детской памяти ярко запечатлелся „Стансовет“, — куда сгоняли лишенцев и откуда трогались партии высылаемых и где царствовал наглый, из иногородних - Федька Босой, по станичной кличке.

— Сожгу их до-тла. Пусть знают . . . изничтожу гадов! . .

Тетка еще не приходила. Он нашел в сенцах топорик, захватил серники и отправился.

Твердо шагал он знакомым шляхом. Над ним висело безрадостно-свинцовое небо с пропастившимся нивесть где солнцем. Стылое небо стлало на землю серую тень . . . Не было солнца, не было жизни. Лишь в будыльях початки, да в застеклевших в морозной поземке сгиблых сухих травах, рьяный ветер остервенело выл и метал морозную пыль да, вторя ему, гудели дружным хором бежавшие, вдоль железнодорожного полотна — телеграфные провода:

Мм . . . мм . . . мм . . .

Стыла широкая степь в суровой хватке. Снег испуганно прятался за полотно, жался к телеграфным столбам, уродливо корчился в выбоинах дороги.

И голая, в муках, знобилась степь и земля . . . Степовой шлях, ведший в станицу, вдруг круто пересекся с полотном железной дороги.

Васютка глянул: матовые рельсы, чуть извиваясь, щерились в огромном и злобном оскале бесчисленных шпал. Как змея уползала дорога и тонула в далекой дымке . . .

Который раз он уже пересекал ее, идучи в станичную школу, но теперь она произвела на него особенное впечатление: — „Вот она-злодейка“ — дорога, думал он, которая извела и загубила тысячи Казаков . . .

И еще вспомнилось ему: накануне прополз по хутору слушок, что идет красноармейский эшелон на усмирение какой-то неспокойной станицы. Недетская усмешка скривила губы: — Дай, помогу станичникам . . .

Не в первой ему приходилось возиться с гайками. Холодное железо жгло руки, но топорик выручил. Сбил-скрутил он гайки, но рельс сдвинуть все же не мог никак и отчаявшись в усилиях, запыхавшийся и усталый сел сбочь дороги. И вдруг ясно услышал, что над ним кто-то тонко и злобно поет:

Мм . . . ммм . . . ммм . . .

Глянул вверх и увидел, что, раскачиваясь на ветру, поют неумолчно и ехидно провода.

— А, и вы заодно с ними . . . крикнул он, — ладно, и вам достанется ! . . Схватив топорик под мышку, он стал быстро взбираться по столбу, вспомнив, как не раз доставал грачиные гнезда с самых высоких деревьев . . . Наверху, на железных прутах, словно стая белых птиц, сидели гладкия фарфоровыя чашечки . . .

С первых же ударов несколько из них разлетелись вдребезги и повисли безжизненно нижние провода . . . На секунду будто оборвалась, в удивлении, жалобная трель проводов . . .

Он довольно рассмеялся: — победил!

Но набежавший вихрь разочаровал его-опять загудели сильнее прежнего провода:

Мм . . . мм . . . мм . . .

И тогда в отчаянной борьбе он стал бить и рубить по чем-попало: по прутьям, по чашечкам по столбу . . . И в увлечении борьбой не слышал он другого, чуть скрежещущаго звука: то шла со станции дрезина с охранниками из состава местной дистанционной ВОХРА. Шла она разведать путь в неспокойной местности перед приходом эшелона с частями ЧОН'а. Их было трое. Кутаясь в тулупы, они помалкивали, зорко вглядываясь в даль и по сторонам. Вдруг один из них заприметил черную точку, возившуюся на телеграфном столбу, быстро выхватил бинокль и сказаль-есть! Ишь, чертенок! Езжай тише Заковлюк . . . и уже потянулся за винтовкой.

— Погоди, сейчас мы его снимем! . . . Не доезжая до столба, на котором был Васютка, метров двадцать, дрезина стала. Охранник целился долго и верно . . . И заодно с новым порывом ветра, когда провода запели особенно тоскливо-грянул выстрел . . .

. . . У Васютки разжались руки, крепко державшиеся за столб и он почувствовал, что земля его вдруг неудержимо влечет к себе . . .

Охраники подбежали. — Вишь, — казачье отродье . . . во вредители полез, туды ево мать . . .

Оглушенный падением, раскинув руки, лежал Васютка, чуть слышно стеня . . . Из раны на груди медленно расползалось черно-красное пятно . . .

— Прикончить, что-ль, -- клацнув затвором, предложил стрелявший.

Пускай его отходит, на морозце, оно вольготнее! . . со злою усмешкою решил командир группы.

— Гляди, товарищи, он и рельсы пытался выворотить! . . только мал оказался . . . Айда в дрезину, а то может и дальше, что случилось! . . — такой проклятый народ, что дня покою нет от них . . .

Они сели в дрезину и покатили дальше . . .

Стал падать снег. Крупными комьями закружился по воздуху все чаще и чаще.

Быстро вечерело. Небо стало совсем темным и участился вихрь крутящихся снежинок.

Дрезина шла полным ходом: охранники торопились до темноты достичь следующей дистанции, чтобы передать о починке, но все еще не было видно конца, а темнота быстро густела, вихрь и мятелица усиливались и уже заносило дорогу-рельсы.

Из всех сил налегают охранники, но дрезина идет все медленнее и медленнее: мешает сильно снег. И вдруг: кря . . . аа . . . кк . . . — лопнула передаточная цень, и дрезина, пробежав по инерции несколько метров, упрямо и неподвижно стала.

Охранники-чекисты разразились отчаянной руганью, но усилившаяся буря заглушила жалкое человеческое сквернословие. Стали совещаться чекисты: куда итти? До следующей станции-двадцать километров, назад, — столько же, приблизительно.

Итти по шпалам, в бурю и темноту — хоть глаза выколи — много километров, не хотелось чекистам. И дружно согласились они на предложение одного из них: — Здесь, товарищи, под боком, нет и пяти верст, есть станица — там и обождем конца пурге! . .

Для храбрости потянули из фляжек „Рыковки".

— Белидзе, зажигай фонарь и пошли, нечего тут мешкать! . .

Электрический фонарик светил скупо сквозь частую сетку взвихренных снежинок. Они уже шли с пол-часа, когда вдруг стал темнеть истощившись, скудный электрический свет, и, наконец, сделавшись совсем слабым, погас окончательно.

На Белидзе посыпались ругательства — ты што же, так твою раз — этак, — новой батареи не поставил? А? — Да вот там кажись были огни... Держи карман шире, огни . . . Запрещено сегодня вечером встречат Рождество. Вот и боятся зажигать огни. Забыл декрет — штоли? . .

И они пошли наугад . . . И долго они шли и не находили станицы, ни другого человеческого жилья . . .

Кружила их мятелица около станицы и не открывала туда дороги . . . Злобно измывалась над ними, бросалась комьями снега в лицо, рвала с них теплые тулупы и дико хохоча увлекала дальше . . .

И выбившись из сил, не веря друг — другу — разбрелись они, ища дороги с проклятьями в разные стороны . . . И сгубила их казачья степ: не помогли ни выстрелы, ни призывные крики, — коварно завлекла их в свои ледяные об'ятия и заморозила в своих недрах . . .

. . . . . .

. . . Васютка очнулся, на одно мгновенье приоткрыл глаза, ища знакомые лица. И будто мелькнули-прошли над ним родные образы: мать, отец . . . дальше сестра и, вдруг — скрылись . . .

Крепко, в последней надежде, сжал он в об'ятиях телеграфный леденеющий столб . . . — и кажется ему, что: разметав белые космы, вся в диких подергиваниях, с хохотом и визгом, склонилась над ним злая старуха, Ведьма-Пурга . . . и заглядывает ему в глаза и перебирает крючковатыми корявыми пальцами провода, которые играют какой-то чудной мотив, толи плясовую, толи похоронную песень:

Мм . . . мм . . . мм . . .

И приплясывает Ведьма в такт проводному перегуду . . .

. . . . . .

Над убеленной степью, раскинув широкий саван, Пурга танцевала свой Белый танец — танец смерти . . .

Староверов

Скверный фельетон

Октябрь-ноябрь 1935 г. в Чехословакии, как всегда, были типично осенние: прохладные дни.

С 5-ти часов дня, вечер и целую ночь, путешествовать-уморишься. Так просто, ввиде прогулки и то, отъ чистого прохладного воздуха, потянет отдохнуть, поспать, а человеку убегающему, оглядывающемуся, — при свете дневном, в каждом и во всем видящему погоню, а ночью, — въ каждом шуме и шорохе-опасность: не вмоготу брести без конца до „спасительной" границы.

Ночью глубокой, различив в темноте дом, нащупав перила веранды, прокравшись в дальний угол, — свалился, как сноп, усталый человек. — „Ух, отдохну!" Свой багажишко-чувал драгоценный, под голову сложил. Мысль одна в голове: — „поспать бы часок-другой до рассвета и уйти, незаметно, с веранды чужой".

Спит маленький чешский городок в ночной тишине, спит и беглец на веранде. Но не спят телеграфные провода-журчат в такт ветру-и проносятся по ним точки и черточки и слово за словом составляет депешу. Депеша служебная, по всем участкам жандармским, из центра — из Праги: „Служащим посольства С.С.С.Р., в республике Чехословенской, выкрадена сумма в 300 тысяч крон. Приметы: . . . Ночь, еще все спит.

Утром чех, одев на пижаму халат, направился в свой садик; слышит храп на веранде, всмотрелся: спящий человек, одет не плохо, под головой мешок. Сообщил чех жандармам о бродяге, а бродяга оказался „персоной": служащий легации С. С. С. Р. в Праге — Казимов (татарин). Забрали Казимова жандармы, с собой, в управление на предварительный допрос. Спешит рассказать, захлебывается арестованный, а чех-жандарм, бывший легионером в России, подставляет вопросы по-русски, в протокол заносит, „багаж" рассматривает. — „Ушел секретарь и ключ в несгораемом шкафу оставил. Вечером, говорит, — поработаю. Я (показывает Казимов) давно деньги хотел. Схватил мешок, деньги из кассы вынимаю, а они все путаются с бумагами проклятыми, некогда отделять: запихал все, что под руку попалось. Пошел пешком, думал на вокзалах искать будут, а вот проспал рассвет и схватили вы меня".

Казимова обыскали, деньги пересчитали, — бумажки, какия, впопыхах, схватил вор, — сфотографировали.

Просился бедняга: судите чешским судом. Нельзя, говорят, ты — посольский служащий. Ну, экстерриториальность и прочее — передали и Казимова и „багаж“ его посольству С.С.С.Р.

Все забыли эту маленькую историю на следующий день: гул орудий от итало-абиссинского „спора“ в Африке был слышнее, чем рыдание вора, запертого в посольстве С.С.С.Р. — в Праге.

Прошло более двух месяцев, забытая история всплывала, но в другом виде, по другим основаниям. Не могу распространяться: скажет редактор, что, мол, это к фельетону не относится, но попробую, хоть вкратце, хоть несколькими словами, дать знать читателю что не всем, м. б., известно.

Захваченныя Казимовым впопыхах бумаги подтверждали существование в среде „белой“ эмиграции целой сети шпионов и провокаторов в пользу С.С.С.Р. Завербованные большевиками предатели были не из „массы“, а видные представители эмиграции и состоявшие на службе Русского Общевоинского союза (Р.О.В.С.)

Из вполне понятных соображений нельзя перечислять какие ужасные опустошения производились большевиками в рядах некоторых русских организаций, активно борющихся с властью С.С.С.Р., по доносам-сведениям этих предателей.

Ввиду строгой слежки за большевиками в Германии и отсутствие представительства С.С.С.Р. в Югославии, все директивы, состоящим на службе у большевиков русским „белым“, передавались через Чехословакию. Если „случай Казимова“ произошел бы в представительстве С.С.С.Р. в Турции, то может быть, дело по шпионажу открылось бы в Греции, Болгарии и Румынии? Но будем надеется, что и такой случай будет и откроет нам глаза на то что, м. б., есть и в этих странах среди русской эмиграции.

Мы знаем, что эти наши строки огорчат наших собратьев Казаков, хотя аресты в связи с шпионской аферой в Югославии, среди должностных лиць Р.О.В.С-а, так и 18-ти человек в Чехословакии и группы в Германии уже, почти всем, известны, но большим утешением для Казачества может быть то обстоятельство, что ни один Казак не замешан в предательстве — ни один!

От редакции: газета „Харбинское время“ № 353/1480 от 30-го декабря 1935 г. под заголовком „Раскрыта грандиозная сеть красной провокации и шпионажа“ сообщает, что в этой провокации и шпионаже приняли активное участие выдающиеся представители дальневосточной Русской эмиграции, как-то: члены „Комитета по делам Российской эмиграции“, представители высшего духовенства, журналисты, коммерсанты. Количество уже расследованных — 36 душ эмигрантской „знати“; остальным предложено добровольное признание. И в том преступном эмигрантском акте: Казаков-ни одного!

Главными задачами провокаторов было: „Поддержка тех эмигрантских организаций, политические установки которых устарели. В отношении же тех организаций, которые имеют активный состав-ими проводились провокационные начинания для чего был использован метод распространения нелепых слухов“. („Харб. Вр.“).

Роясь в памяти минувших дней, поневоле, обнаруживаешь тождественность приема „вождей“ некоторых организациий в Болгарии, которые пользуясь, по „старой памяти“, авторитетностью перед местными властями, стараются скомпрометтировать своих противников. (Ред.)

А. Терек

Вольному Казачеству

Дружно-смело вступим в дело Казакии все сыны,
лавой тесною сомкнемся на врагов своей земли
Смерть в борьбе — награда выше, чем удел раба.
Казаки — орлы лихия, возрожденье Казакии долг и право Казака.

Предки наши завещали: Волю Круг строго храни,
а Покров — Народный праздник, свято празднуй и блюди.
Всех ослушников закона, сшедших с Вольного пути,
раболепов пред врагами: „в куль, да в воду опусти“,
а в сидении Азова, завещали так они: „верить в Бога,
верить в Правду. Дух свой бодрый не терять, дружно
спаянной семьею: Воли дело защищать!“

Я. И. Лопух — Югославия

На смерть И. И. Томаревского

Угасла жизнь поэта-Казака;
затихли звуки его лиры.
Не тронет струн ея его рука:
поэт лежит в сырой могиле.
Борьба с ударами судьбы, невзгоды,
поэта силы надломили;
по родине тоска, страданья годы,
его в могилу уложили.
Лежит поэт в чужой земле,
но дух его витает с нами;
зовет он нас к святой борьбе
за право быть нам Казаками;
Любить свой край — свою страну,
и реки и поля родные,
свою Казачью старину,
свой быт и песни удалые.
Поэт священный дал призыв.
Внемли-ж, Казак поэту!
И не гаси ты свой порыв
к его Казачьему завету.

Я. Лопух

Христос Воскрес! повсюду слышно:
Великий праздник наступил.
Днесь ад и зло, Христос незримо
Своею смертью сокрушил.
Забудь, Казак, ты в праздник светлый,
Что ты изгнанник-эмигрант,
Воспрянь душой, живи с надеждой,
Что всяк Казак-твой друг и брат.
Христос Воскрес! ликуя скажем
Друзьям, и близким и врагам!
И дружбы братской пожелаем
Кубанцам, Терцам и Донцам.
Забудем все раздоры наши,
Да будет мир и радость днесь.
С любовью в сердце все мы скажем
В ответ: Воистину Воскрес!

Егоров

ГДЕ МНЕ ИСКАТЬ ПОКОЙ

Выхожу один я на дорогу,
что ведет к часовенке святой
и в больной груди тая тревогу
— иду туда искать себе покой.

В покое я-б хотел забыться,
не слышать брань и подлые смешки
и вновь младенцем бы родиться
расти и зреть, смеяться и цвести.

И ночь темна, угрюма и пустынна
не слышно звука — шелеста листвы,
и только изредка пугливо
родятся мысли — праздные мечты.

И вот иду по пыльной я дороге,
ласкает меня нежно ветерок —
идти так одиноко мне в тревоге:
свернул тропинке поперек.

И шел я долго, потупив очи,
не видя мрак, не видя темноту
и, как отшельник в темной ночи,
брожу, брожу: рассеять бы тоску.

И я пришел к большой могиле
здесь та-же тишь и та-же темнота,
упал над ней прижавшись к глине
и прикладал холодные уста.

Но где-ж покой! Где ласковый приют!
Ах, — нет! — здесь та-же темь и край чужой.
И я забрел туда где слезы льют —
— где человек находит мир иной.

И вот теперь упавши над нею
над безжизненной кучкой земли
я узнал, что под этой вот келью
мне придется покой здесь найти.

† Ив. Томаревский

КЕМ МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ

Нужно быть нам Казаками,
А не чем-нибудь другим —
Уж никак не москалями
И не быть в служеньи им.
Казак вольный от рожденья
Должен до смерти им быть,
И во всем всегда примерно
Лишь Казачеству служить.
Вот тогда и Казакия
Будет вольная страна,
Без ярма, цепей России,
Государством Казака.
А сейчас мы что такое?.. —
Подневольные Руси!..
Позабыли мы святое,
Всё, что было позади...

Позабыли славу предков,
Их могилы, имена...
Подчинилися соседке,
Осрамив на век себя.
Да, теперь одно нам нужно —
Снова быль нам воскресить.
С волей старою всем дружно
Казаками только быть...
Нужно быть нам Казаками,
А не русскими людьми,
Середины быть не может,
Не приемлем ее мы!
Кто Казак душой и телом,
Хочет быть лишь Казаком,
Тот порвать связи с Россией
Должен миром иль мечом.

Середины быть не может
Кто чужия кости гложет
Для своих тот-враг чужой,
А не сын степей лихой.
В нашей древней Казакии,
На приволии степей
Прежде не было России,
Ее жадных сыновей.
Прежде волюшка гуляла
С ветром буйным по полям,
Славу громкую давая
Вольной жизнью Казакам.
И Казачество умело
Свою волю защищать,
Своей жизни не жалело,
Силы вражьи отражать...

Нужно быть нам Казаками,
А не чем-нибудь другим,
И не гнуться пред врагами
— отвечать мечами им.

Гнат Шевель (Югославия).

НАДІЯ

В станиці, Господи, як в раі!
Станиця в нашім Рідним Краі
Була для мене наймілійша,
Козача хата — найріднійша.
В козачій хаті я родився, люб
Любити Край у ній навчився,
В козачій хаті колихали
І хату ту любить навчали.
Тай тут в чужині добре знаю
(Сього я жду і жду як раю),
Настане час, діжду годину,
Коли я знову в ту хатину
Прийду і хата знов пригріэ.

О не покинь мене надіэ!
З тобою лехше в світі жити,
Ти заставляеш ліпш любити
І Рідний Край, станицю, хату
И природу, навколо, богату.
Ти заставляеш ще гадати,
Думки у хату посилати,
З братами інколи пожити,
Поплакав в чужині — спочити.
З тобою й серденько не мліэ,
О не покинь мене надіэ!

К Казакам в Болгарии:

В Центральном Правлении имеются национальные значки. Желающие таковые приобрести соблаговолят сообщить. Стоимость значка 15-ть лева.

Станичники, иметь значек долгъ каждого Казака Националиста.

ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ

А. Е.

На втором докладе Билого

То обстоятельство, что первый доклад Билого в Париже прошел более или менее прилично, по его мнению, видимо, поощрило его и 12 сего января, он устроил второй доклад на тему „Роль казачьей эмиграции в предстоящей освободительной борьбе.“ При чем, очевидно, для шику, снял небольшую залу в огромном, всем известном доме „Мютюалите“ и . . . с шиком, по всем статьям-провалился.

Вероятно, это будет его последним выступлением в Париже, ибо вряд ли он теперь осмелится на повторный провал. Начать хотя бы с того, что даже небольшое помещение наполовину пустовало: собралось всего человек 40, преимущественно свои люди. А затем сам доклад на аудиторию, навел такую скуку, что требовалось большое усилие, чтобы не заснуть. Даже самые примерные приверженцы докладчика, как Чертков и др. преспокойно захрапели. „Доклад“ произвел гнетущее впечатление на всех сознательных вольных Казаков и величайшую радость доставил тем немногим противникам идеи ВК, какие присутствовали на собрании.

Жалкая тенденция выдержать позу, приличествующую положению „Походного Атамана“, мучительное выдавливание почти каждой фразы, убийственно долгие паузы, беспомощное повторение каждого предложения и сыпавшиеся, как из рога изобилия, изречения общеизвестных истин, вроде „от таланта полководца зависит боеспособность армии,“ „Казачество без борьбы не освободится“; „мы хотим вернуться домой, а не хотим делить участь прежних казачьих эмиграций“ и т. д. — повторяю, производят на аудиторию гнетущее впечатление. Многие недоуменно переглядываются, пожимают плечами, откровенно смеются, а другие спокойно засыпают. Это действует на докладчика и он еще больше запутывается.

Трудно излагать содержание такого „доклада.“ Ясно было лишь одно: Я организовал дело; Я поведу, если Казаки не отстанут; все, кто любит Казачество, олжны придти ко мне и т. д.

Итак, докладчик кончил свое слово. Председательствующий Федосеев встает и заявляет: „Об'являю пятиминутный перерыв, во время которого прошу записаться у меня тех, кто желает высказаться по поводу доклада.“

Проходит 5 минут, 10 минут. Никто не записывается. Собрание возобновляется. Все молчат. Председательствующий снова поднимается и просит задавать вопросы. Снова глубокое молчание. Проходит 2, 3, 5 минут. Публика начинает переглядываться, но никто никакого вопроса не задает. Значит, докладчик „удовлетворил“ всех настолько, что нет желающих говорить. Председательствующий снова встает и повторяет свой вопрос: „нет желающих задавать вопросы, говорить?“

Докладчик волнуется, краснеет, ерзает на стуле и, наконец, выходит из себя при повторении вопроса и нервно обращается к председателю: „Зачем повторяете свою просьбу? Значит, нет желающих говорить! Нечего просить!“

Наконец, вероятно, проникнувшись чувством жалости к докладчику, просит слово **„лигист“ Желтухин**, который говорит: „Докладчик оспаривал лавры у Чеховского героя, который любил изрекать общеизвестные истины, вроде с горы спукаться легче, чем подниматься.

То, что сказал г. Билый не есть доклад, а всего только набор фраз. Если в этих фразах заменить слова „вольные Казаки“ словом „младороссы“, то получится обычная младоросская трескотня. Поэтому я по поводу такого „доклада“ ничего не буду говорить. Я лишь обращу ваше внимание на одно слово докладчика. Он сказал: „мы идем ва-банк.“ Это слово имеет определенный смысл. Раз докладчик идет „ва-банк“ и зовет других к себе, то совершает сознательное преступление. Казачество — небольшой народ, оно не может идти на „пан или пропал.“ Вот почему мы против докладчика. Мы должны беречь Казачесто, а для этого нам нельзя иметь ясной, определенной цели. Мы должны свою цель скрывать, лавировать. Сегодня входить в союз с одними, а завтра, если обстановка изменится, заключать союз с другими.“

Первый и единственный оппонент кончил свое слово. Наступило снова молчание. Докладчик явно нервничает. Председатель „ест глазами“ публику, молчаливо умоляя выступить. Создается большая неловкость. Вдруг, просит слово Ш. Н. Балинов. Это явно не нравится докладчику. Председатель не знает — предоставить ему слово, или нет. Но так как других желающих нет, то он предоставляет слово Балинову.

Ш. Н. Балинов. „Идя сюда, я совсем не думал выступать. Но видите, какое неловкое положение создалось: докладчик так глубоко и всесторонне „удовлетворил“ всех, что ни у кого даже ни одного вопроса неясного не осталось. Какое тяжелое и грустное мнение может составиться у посторонних людей, сегодня на этом собрании присутствующих о ВК, о вольных Казаках. Если бы я был противником идеи ВК, я был бы, в высшей степени, этим удовлетворен. Но я принадлежу к семье вольных Казаков, исповедую ту же казачью политическую идею, что и докладчик. Невыносимо больно от сознания, что сегодняшние гости Казаков уйдут отсюда под впечатлением такой молчаливой и единодушной демонстрации, под впечатлением этой пустой трескотни и, якобы, полного отсутствия людей в ВК.

Вот почему я попросил слово. Я выступаю здесь, как представитель Центрального Правления Вольного Казачества. Я не буду говорить по содержанию „доклада“, ибо тут не о чем говорить. Кратко и метко его охарактеризовал г. Желтухин. Разумеется, я ничуть не претендую, на то, что рассею то нехорошее впечатление, какое произвел доклад на аудиторию, но я, в качестве представителя Центрального Правления ВК, хочу высказать свои соображения на ту тему, на какую нам сегодня читался доклад.

Я, лишь, обращу ваше внимание на одно „положение“ докладчика. Он здесь сказал: „прошлую свою борьбу Казачество проиграло в силу бесталанности бывших наших вождей. Будущую борьбу Казачество не смеет проиграть, оно должно ее непременно выйграть. А выйгрыш зависит от таланта будущего вождя, который может удесятерить эффективную силу будущей казачьей армии.“

Итак, без борьбы нам Родины не видать, а успех борьбы зависит от таланта будущего вождя Казачества. И я хочу обратить ваше внимание на следующее: сегодня нам читал доклад не простой смертный, а „Походный Атаман“ ВК, который не только считает себя

вождем казачьей эмиграции, но и главой будущего казачьего государства. Для этого он ввел специальную статью в организационный „Статут" ВК, в силу которой нынешний „Походный Атаман" **назначает первое правительство Казакии и, если нужно, его разгоняет.** Значит, по утверждению докладчика, решительно все, сама судьба Казачества зависит от . . . его таланта. И . . . не буду говорить на эту тему. Пусть сама аудитория решит вопрос: насколько велик талант докладчика и выиграет ли борьбу Казачество с **таким** вождем . . .

Два слова по поводу заявлений ст. Желтухина. То, что он здесь говорил, не выдерживает никакой критики. Без ясной, определенной цели, без сильной, привлекательной идеи никого нельзя об'единить, никакой сильной организации нельзя создать. Его „тактика лавирования" есть простое недоразумение. Если мы будем сегодня заключать союз с одними, а завтра с другими, смотря по обстановке, то в конечном итоге, у нас совсем не будет союзников. Вообще, с вопросительным знаком никто серьезного союза не заключает. Первое условие тесного сотрудничества, союзного действия-это, прежде всего, ясность политической цели, родственость идеологии. Сила ВК имечно в том и заключается, что у него есть отчетливая политическая идеология, ясная, определенная политическая цель. Слабость противников ВК заключается в отсутствии такой идеи, в полной их неопределенности. А между тем, все они любят Казачество, желают ему добра, счастья. Они только искренно заблуждаются.

Пора Казакам, противникам ВК, призадуматься, произвести, что называется переоценку ценностей, присоединиться-ли к лагерю Казаков-Националистов, тем самым усилив, укрепить этот казачий фронт?

Возвращаюсь к тому, о чем собирался здесь говорить. Почему мы стали на путь ВК, на что мы расчитываем?

История с несомненностью подтверждает право Казачества считать себя особым народным организмом, со своими обычаями, традициями, духом. Недавняя героическая казачья борьба кровью подкрепила это историческое право Казачества. После жестокого поражения и ухода на чужбину, пытливый молодой казачий ум стал размышлять о причинах этого поражения и искать путь спасения Казачества. И он пришел к выводу, что единственный способ спасения славного, доблестного Казачества — это путь самостийный; единственная идея, способная об'единить и воодушевить к борьбе — это идея государственной независимости Казачества. Историческое право и человеческая правда Казачества определенно указывали ему, именно, на этот путь.

И не только эмигрантский казачий ум пришел к такому выводу. К этому сознанию пришел и весь Казачий народ „там". Об этом мы имеем целый ряд неоспоримых данных, о чем неоднократно писалось и говорилось. Именно, поэтому я с глубоким возмущением читал статью Билого „На темы дня" (см. „ВК", № 175), где он писал такие невероятные вещи: „Организация жизни в. казаков заграницей может интересовать только нас самих. Никого другого это не интересует. **Не интересует это и наших братьев там.** Если бы была организована только жизнь вольных казаков даже наилучшим образом, основной цели ВК это не решит ни в какой мере". . .

— **Билый** (с места): Да, да!

Балинов (продолжает): Отлично, если „Вы это подтверждаете здесь!". . . Раз так, раз Вы считаете, что жизнь в. Казаков ничуть не интересует тамошних наших братьев, то тем самым вы признаетесь в своем идеологическом банкротстве. Если наша жизнь и идея ничуть не интересуют тамошних Казаков, не разделяется ими, то вы делаете противонародное дело!?. Этим самым вы невольно выдаете свою тайную мечту: с помощью иностранной силы придти в Родные Края и с помощью той же силы диктовать К-ву волю вас пославшего! Это вполне об'ясняет ваше поведение здесь: разгон и всяческое поношение всех сознательных и идейных в. Казаков!

Если бы на самом деле дело обстояло так, как вы сейчас подтвердили, если на самом деле тамошние наши братья нами, нашей работой ничуть не интересуются, то нечего было бы нам и огород городить. К счастью, наши братья „там" очень интересуются нашей жизнью, нашей деятельностью. К тому мы имеем бесчисленные доказательства. Душа тамошних Казаков поет в унисон с душой — Казаков Националистов; чаяния и желания их в точности совпадают с нашими: Казаки здесь, в свободных условиях, на досуге, путем долгих и мучительных размышлений и поисков, а Казаки „там" под жестокими ударами озверелых большевиков, пришли к одному заключению: спасение и возрождение Казачество найдет только на пути государственной самостоятельности. Для этого Казачество имеет все права!

Но на одном голом праве далеко не уедешь! Мы знаем, как легко и свободно это право попирается, когда дело касается, „интересов". А потому, поднимая Знамя Казачьей Независимости, мы должны были бы учесть, как собственные силы, так и предугадать основное направление того огромного послевоенного мирового процесса духовно-политического порядка, наметить и определить те мировые факторы, которые могут способствоват возрождению Казачества.

Начиная свое дело, мы, Казаки-Националисты, свой прогноз сделали. Мы сейчас рады, что неумолимый ход мировой общественно-политической жизни начинает подтверждать эти наши первоначальные прогнозы.

Чем сейчас характеризуется современный мировой процесс, мировая политическая обстановка?

Непримиримой борьбой двух миров, двух мировоззрений: мира коммунистического и мира буржуазного; между идеей коминтерна и пробуждающимся повсюду национальным сознанием. Мы полагали, что такая смертельная схватка рано или поздно неизбежна. Вот где проходит та непроходимая черта, которая разделяет современный мир на два основных лагеря! При чем, коммунистический лагерь до сих пор преуспевал, ибо на анти-коммунистическом фронте до сих пор не было согласия, согласованного действия. К тому имелись трудно-преодолимые причины, которые ныне, как будто преодолеваются.

И мы, Казаки-Националисты, поднимая свое знамя, кроме учета собственной силы, нашего идейного горения, неуклонной воли, строили свои расчеты, так же и на этот, тогда разрозненный, а теперь формирующийся антикоммунистический фронт. При этом руководствовались, конечно, не одними только эгоистическими расчетами, но и руководствовались соображениями духовно-морального порядка.

Ибо в лагере коммунистическо-марксистском, высокое, привлекательное учение — защита обездоленных — на практике свелось к жестокой кабале, привело к невиданному рабству. Попытки разрешить сложные социальные проблемы на самых справедливых началах достигли совершенно противоположных результатов. Опыт огромной социальной реформы превратился в пытку миллионов людей, целых народов. Освобожденный большевиками от чувства греха недоросший до понимания учения марк

сизма, простой народ-дошел до прямого оскотинения, когда люди, как дикие звери в джунглях, бросаются друг на друга в борьбе за существование, за несжатый колос на поле убивают друг друга. Совершенно естественно, что при господстве такого марксизма не может быть никакого развития началам духовного порядка.

С другой стороны, в наше время проблема социальной реформы не является уже принадлежностью социалистов-марксистов. К справедливому ее разрешению стремятся все государства цивиллизованного мира. Спорный вопрос-кто сделал в действительности больше в смысле улучшения жизни и быта подлинно обездоленных людей — марксисты в СССР или, страшный для них фашист, Муссолини?

Вот почему мы, отталкиваясь от большевиков, строим свои расчеты на анти-коммунистический фронт. Ибо на этом фронте фонтаном бьет могучее, здоровое национальное чувство, столь для нашего сердца дорогое и священное. На этом фронте все условия для свободного и всестороннего развития человека. Здесь довлеют начала духовного порядка. И здесь возможно наилучшее разрешение и социальной проблемы. Во всяком случае, национальное сознание не исключает справедливого разрешения социальных проблем, тогда как на марксистском фронте национальное чувство, духовные начала решительно изгоняются.

Итак, мы сделали свой сознательный выбор и поставили на национальный фронт.

Я уже сказал, что наши первоначальные прогнозы жизнью, уже, начинают оправдываться. Где и в чем? А том, что СССР уже мечется. Над большевиками непосредственно нависла грозовая туча. Охваченные страхом, они уже сдают одну свою позицию за другою. Лихорадочно рыщут по свету в поисках себе союзников, попутчиков. Просят помощи у тех, которых вчера они поносили последними словами. И есть от чего дрожать большевикам.

Например, на японо-советской конференции по поводу передачи ВКжд Манджурам, полпред Юренев произнес речь, в которой выразил свое удовлетворение, что этой передачей дороги ныне устранена, мол, причина раздоров между нашими странами и что отныне наши страны должны жить в мире и согласии. На эту речь Юренева, представитсль Японии, ген. Матцуи, в своей официальной речи прямо заявил, что спор между нашими странами, этой передачей дороги ни в какой мере, не разрешен. Согласие, истинное содружество между нами, может установиться **только тогда, когда освободятся все народы вплоть до Уральских гор!** Что мы, Японцы, отлично знаем — как всем этим народам чуждо учение Маркса, как они все борятся за свою национальную свободу. **Долг Японии — всячески поддержать их борьбу, их стремление к национальной независимости!**

Этой речью вопрос поставлен ребром, поставлены все точки над „і". Между Японией и СССР не может быть примирения. Идет борьба, наступит решительная схватка, к коей обе стороны готовятся тщательно. Это и понятно, ибо дух Японского Микадо и дух III Интернационала примирить никак нельзя. Между ними должен быть бар'ер. Этим бар'ером будут все народы, живущие на Востоке, ставшие национально самостоятельными. Всем им будет помагать Япония. Это будет сокрушительний удар по нашему жестокому врагу — большевикам.

Обратимся к Западу. Ни для кого не было секретом, что рано или поздно Великобритания столкнется

Максим Наумович Гусаков Атаман (вправо) и **Иван Дмитриевич Кузнецов** Писарь (влево) Свято-Николаевской Нац.-Казач. Станицы в гор. Торговище, Болгария.

лбом с СССР, ибо последний не мог не подбираться к „золотому дну" Англии — Индии. А мы знаем, как Англия умеет бороться, когда дело доходит до ее жизненных интересов. И вот наш прогноз недавно подтвердил один из виднейших русских генералов, проф. Головин, в своей книге „К чему стремится Великобритания".

Основательно изучив вопрос, Головин пришел к выводу: Великобритания стремится к расчленению СССР и что она всячески будет помагать борьбе угнетенных народов Востока Европы и Азии за свою национальную независимость. Он не сомневается, что после свержения большевиков на территории СССР образуется ряд самостоятельных государств. Отсюда он делает конкретный политический вывод: не может быть вопроса о создании единой, неделимой России. Можно только ставить вопрос о создании **союза самостоятельных государств.** Кстати, ген. Головин в своей книге решительно осуждает военно-политическую тактику б. вождя „белой" армии ген. Деникина, как известно, об'являвшего войну „всем, всем, всем" во имя Великой России и тем проигравшего свое дело! Об этой преступной политике ген. Деникина мы, простые смертные знали тогда, говорили всегда!"

Итак, Англия, в нужный момент, на анти-коммунистическую чашу весов положит свою „гирю". А что сие будет означать — говорить нет надобности.

Возьмем тот же СССР и Германию Гитлера. Кто может сомневаться в том, что между духом Гитлера и духом Сталина лежит непроходимая пропасть, что между ними никогда не будет примирения. Столкновение неизбежно. В какой форме, когда и в каких условиях это столкновение произойдет — гадать не будем, но оно неизбежно.

Не надо забывать исторический русско-польский антагонизм. Польша, разделенная на три части и долго бывшая в подчинении у чужих, ныне воскресла и в ряду государств заняла почетное место. Национальный польский дух, географическое положение Польши определяют ее место на фронте борьбы. Она — на анти-марксистском фронте. Сюда надо добавить, что Польша, познавшая что такое национальное унижение, сейчас всю свою симпатию отдает угнетенным народам СССР. Следовательно, и ее „гиря" в нужный момент будет положена на ту чашу весов, которая будет противостоять коммунистической чаше.

Обратимся к Италии. Лагерь воинствующих пацифистов, образовавшийся в Женеве, добился того, что Муссолини, еще не так давно гром и молнии, метавший

в адрес Японии, ныне начал какие-то разговоры вести с Японией, повел какую-то игру и с Германией. Не забудем, также, его знаменитое послание польскому народу. Вспомним, как часто стали говорить в печати, что Муссолини не так уж теперь заступается за независимость Австрии, что его уже перестал тревожит вопрос об „аншлуссе".

Явственный силует будущей анти-марксистской, национальной коалиции мы получим, если примем во внимание следующие положения: а) между Германией и Японией, как будто, уже заключено какое-то тайное соглашение; б) поворот политики Муссолини в сторону сближения с Германией и Японией; в) между Германией и Польшей заключено соглашение; Англия начала какие-то переговоры с той же Японией, уже после того, как между последней и Германией заключено соглашение.

Дальше анти-марксистская коалиция перебрасывается за океан. Уругвай без всяких церемоний выбросил советского полпреда Милкина и порвал сношения с СССР. После чего заговорили о создании южно-американского анти-коммунистического фронта. Это знамение времени, это начало понимания того огромного зла, какое сеют большевики повсюду.

Наши враги, большевики, на внешнем фронте теряют позицию за позицией. Грозная туча над ними нависла. Национальный, анти-марксистский фронт медленно, но верно формируется. Близится момент решительной схватки, — будет поставлен вопрос: быть или не быть Казачеству? Долг казачьей эмиграции как можно скорее об'единиться, тесно, стройно с'организоваться, определить свое место, наметить ясно свою цель, проявить максимум энергии и умения, чтобы с максимальной выгодой использовать момент, чтобы спасти родное Казачество!

Так закончил Балинов свое слово, произведшее сильное впечатление на аудиторию, которая шумно апплодирует. Докладчик нервничает, краснеет.

Председатель снова предлагает задавать вопросы. Один Грузин спрашивает: „Что вы будете делать, если Русские правые предложат вам свои услуги в борьбе с большевиками? Предоставите ли вы им казачью территорию, как плац-д'арм?"

Казак **Бударин**: „Что вы будете делать, если окажется, что ваше стремление несозвучно с чаянием тамошнего Казачества?"

И поднимается, наконец, „великий вождь", чтобы разить своих супротивников и садится в лужу.

Начинает Билый с ответа на два последние вопроса, но из его ответа трудно было понять — что он, собственно, хотел сказать. Возился, возился вокруг да около, так ничего определенного и не сказал. Затем он перешел к ответу Балинову.

— **Билый**: Г. Балинов уже второй раз выступает на моих докладах и оба раза свое слово начинает с заявления, что мои доклады на него производят тяжелое, гнетущее впечатление. Что делать? Я говорю то, на что способен. Какой выход из положения? По моему лучше всего будет, если он не будет навещать наши собрания. И вам это доставит удовольствие и ему не будет так тяжело . . .

— **А. Е. Алимов** (с места): Вам неприятно с ним встречаться? Для вас действительно было бы хорошо, если бы Балинова совсем не было . . .

— **И. А. Билый**: Я его не боюсь . . .

— **А. Е. Алимов**: Да, вы — страшно храбрый человек, прямо-таки герой . . .

— **И. А. Билый** (продолжает): Я, господа, сегодня не ставил себе задачу сделать такой блестящий анализ международной жизни, как это сделал г. Балинов. Да эта жизнь нас особенно и не интересует, особенно — Япония. Да и мой оппонент заявил, что японская политика дальше Уральских гор не распространяется, а наша Родина, ведь, как раз именно за этими горами. Впрочем, я г. Балинова отлично понимаю, совершенно естественно, что его так сильно интересует Япония, ибо его, ведь, Родина находится на Востоке . . .

— **Ш. Н. Балинов**: Не разводите глупую демагогию! Вы отлично знаете, что я — с Дона! Калмыцкий народ живет в среде и рядом с Казачеством! Не перевирайте!

— **И. А. Билый** (продолжает): Меня здесь упрекали в том, что я ничего нового не сказал, повторяю все старое. Да, я повторяю, но я повторяю свое, а люди, меня в повторности упрекавшие, тоже повторяют, но повторяют чужое. Мое несчастье заключается в том, что я учу других, а последние, научившись у меня, повторяют мою мысль, в то же время упрекая, меня в повторении. Да вот возьмем г. Балинова, который здесь, с апломбом делал обзор международной жизни. А он, ведь, всего на всего, развил и повторил мою же мысль, здесь, в начале доклада мною сказанную, о том, что советская власть об'ята страхом. Я доклад свой начал именно со ссылки на речь Молотова (на лицах многих ироническая улыбка слишком несуразен его упрек Балинову в повторении его доклада) . . . Балинов здесь, с большим пафосом, говорил, что „мы тогда сделали свои прогнозы, которые ныне жизнью оправдываются" . . . А, ведь, этим „мы", собственно, являюсь я — Билый. Не будь работы Билого, я не знаю — где и какие прогнозы делал бы г. Балинов, ибо до выхода в свет журнала „ВК" что-то не слышно было о Балинове. Значит не будь предварительной работы Билого, не издай он журнала „ВК", мы не слышали бы прогнозы Балинова. Моя вина в том, что я из Балинова сделал вольного Казака . . .

— **Ш. Н. Балинов** (с места): Неправда! Над Балиновым нечего было работать! Когда Балинов пришел к ВК, он вас совершенно не знал, никогда и нигде вас не видел, ни одного слова от вас не слышал. Статья Балинова лежала в редакционном портфеле еще **до выхода** в свет первого номера „ВК". Если в моем приходе к ВК кто-либо виноват, то только один покойный полк. М. Ф. Фролов, этот настоящий, а не фальшивый, как Вы, основоположник ВК! Хоть постыдитесь присваивать чужие заслуги! Не обкрадывайте хоть покойников!

— **И. А. Билый** (продолжает): Я не могу говорить . . . Меня оскорбляют . . . Заявляю раз и на всегда: никогда и нигде не буду отвечать этому оппоненту...

— **Голос с места**: Вамъ отвечать ему нечего!

— **И. А. Билый**: Есть чего отвечать, но я принципиально отказываюсь ему отвечать. Все равно его не переубедишь, все равно его не переговоришь (Голос с места: верно! Умную речь и слушать приятно!) . . .

В дальнейшем Билый переходит к ответу Желтухину, каковой ответ свелся к пререканию с Желтухиным в толковании слова „ва-банк". Желтухин с места кричит, что этот термин имеет определенный смысл, выражаясь проще, это значит „пан или пропал", а Билый все тянул и крутил, доказывая, что он термин этот понимает в том смысле „идти, чтобы не проиграть".

Разумеется, попытка дать свое толкование этому определенному термину, ничего иного, кроме иронической улыбки, не могла вызвать. Под впечатлением этого нудного пререкания и закрылось собрание.

Прохожу к выходу. Встречаюсь с одной знакомой дамой, первый раз видящую и слушающую Билого, которая обращается ко мне мне с вопросом: „Неужели есть люди, которые после первой же встречи с ним не убегают от него! Неужели у него есть приверженцы? Неужели с таким человеком можно связывать какие-то надежды?“ — Что я ей мог ответить?

Нужно отметить, что из его „многочисленных“ приверженцев в Париже ни один человек ни одного звука не издал в защиту своего „Походного Атамана“, между тем, в лагере „Походного“ царит строгий „нрав“: кричать ему „слава!“ За нарушение этого „нрава“ „Походный“ очень и очень не жалует.

При мне Балинов предложил одному из приверженцев Билого купить жур. „Казакия“. Тот ему ответил: „Ради Бога не подводите меня. Я журнал куплю, но только не тут: или куплю его на дворе, или вы его пришлите мне на дом. Если я куплю его тут, то меня буквально затуркают“.

Парижъ

— **Доклад г. Жан Мартена.** 25 января с. г. в Париже, в прекрасном зале Палэ-Ройяль читал свой доклад о народах Кавказа специально приезжавший из Женевы, главный редактор швейцарского журнала „Журналь де Женев“, г. Жан Мартэн.

Доклад был организован Комитетом дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины, который входит в состав французского комитета „Франс-Ориен“. Это была большая демонстрация сил угнетенных народов СССР ярким показателем проникновения идеи освободительной борьбы народов СССР въ сознание общественного мнения Европы.

Председательствовал на собрании вице-председатель Комитета Франс-Ориен г. д'Ази, который заменял пребывавшего вне Парижа председателя г. Клод Фаррера. За столом президиума — генеральный секретарь Комитета Франс-Ориен, г. Абдон Буассон, который произнес вступительное слово, а также председатель Комитета дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины, проф. Шульгин, который на отличном французском языке приветствует докладчика. Остроумное заключительное слово произносит г. Д'Ази.

Собрание было внушительное. Присутствовали французские государственные деятели, члены дипломатического корпуса и все видные представители угнетенных народов.

Докладчик г. Жан Мартэн, в своем полутора-часовом докладе (на французском языке) дал яркую и выпуклую картину борьбы народов за свою национальную независимость и закончил свой доклад удивительными, в устах иностранца, бодрыми, проникнутыми глубокой верой, словами: „Солнце всходит! Угнетенные народы обретут Свободу!“

Собрание было внушительное. Большой и прекрасный зал Палэ Ройяль не вместил всех желающих. Все проходы были заняты опоздавшими и все же часть вынуждена была стоять у дверей снаружи.

Разумеется, докладчик ничего нового не сказал для тех, кто более или менее, знаком с освободительной борьбой народов. Но эти известные нам положения приобретают огромное значение, поскольку они исходят из уст иностранца, редактора влиятельнейшего журнала, выходящего в городе, куда периодически с'езжаются все государственные мужи света, где решаются вопросы мировой политики.

После доклада г. Жан Мартэн демонстрировал виды Кавказа, вывезенные им оттуда во время своего путешествия.

Жаль только, что казачий вопрос еще не стал таким близким и понятным для таких влиятельнейших европейцев, как Жан Мартэн, — как близка и понятна стала ему проблема народов Кавказа, Туркестана и Украины.

Присутствовал ред. журн. „ВК“.

От Казаков на докладе присутствовали председатель ОРК и Об'единения Вольных Казаков-комбатантов ес. А. Е. Алимов и Ш. Н. Балинов.

— **Доклад кн. Дата Вачнадзе.** В тот же день, 25 января, в $8^1/_2$ часов вечера, в большом зале Социального Музея на рю Ляс-Каз, Кружком изучения Кавказа было устроено публичное собрание, на котором **кн Вачнадзе** прочитал доклад на тему „Взаимоотношение Грузии с севером и югом на протяжении веков и до наших дней.“

Председательствовал на собрании **кн. Дадиани**. Присутствало много публики. В своем интересном докладе, продолжавшимся более двух часов, Вачнадзе дал яркую картину истории борьбы Грузии за свою национальную независимость. Доклад был „аполитичныи“, о чем публику предупредил тов. председателя собрания **г. Завриев**, ибо Кружок изучения Кавказа является организацией исключительно аполитичной. Никаких политических выводов докладчик не сделал, но эти выводы сами собой напрашивались. Из неопровержимых исторических фактов, приведенных докладчиком, явствовало, что Москва всегда предавала Грузию ее врагам.

От в. Казаков на докладе присутствовали **А. Е. Алимов** и **Ш. Н. Балинов.** Демонстративно отсутствовал редактор журнала „ВК“ г. Билый, днем сильно „обиженный“ кавказцами их невниманием к нему на докладе Жана Мартэна.

Зато присутствовал **г. Г. И. Карев**, нынешний „премьер министр“ Граббе. Особенно любезничал он с Украинскими самостийниками. Конечно, только с каревским искусством можно совмещать „премьерство“ при Граббе с дружбой с Украинскими самостийниками!

А. Е.

— В воскресенье, 26 января, в Париже предстояло два собрания: в $2^1/_2$ ч. собрание „Лиги Возрождения Казачества“ с чтением доклада на тему „Наше право“ (кто читает не было известно), а в 4 ч. торжественное собрание по случаю годовщины провозглашения самостоятельности Украины (22 сичня) и соединения Украинских земель.

Собрание это устроило три организации: Парижское отделение Т-ва Запорожцев, Союз рыцарив Железного Креста и Клуб украинских старшин имени генерала гр. Орлика.

Имея специальное приглашение на оба собрания, решил пойти на то и на другое. С невольным получасовым опозданием, ровно в 3 часа, приезжаю на место собрания „Лиги“. Смотрю сидят три человека. Спрашиваю: тут собрание? — Тут. — А где же люди? — Еще нет, не пришли.

Так, не солоно хлебавши на казачьем собрании, направляюсь к Украинцам.

Потом узнал, что собрание все же состоялось. Доклад читал Тульцев. Присутствовал даже сам „Походный Атаман" ВК г. Билый, который что-то говорил, а один из его сподручных, вероятно, не находя словесных доводов, набросился с кулаками на бедного старика Буданова и чуть не побил. Разумеется, я ничуть не огорчем тем, что не довелось быт свидетелем такого печального зрелища.

И так пришел, к Украинцам.

Чистый, уютный зал бразери ле Комерс на авеню Орлеан. Приветливые, симпатичные молодые хозяева.

Интересные доклады читают: сотник **Болобан**, сот. **Якименко**, г. **Мокиевский**. От имени Об'единения Вольных Казаков — Комбатантов и ОРК говорит ес. А. Е. **Алимов**. От имени Центрального Правления ВК и калмыцкой организации „ХТТ" слово произносит **Ш. Н. Балинов**. Собрание с особенным удовольствием приветствует выступления Казаков.

После окончания оффициальной части, начинается часть увеселительная. Известный бандурист **проф. Емец** услаждает слух своей прекрасной игрой на бандуре. Поэт **Корбовский** читает свое стихотворение „22 сичня". **Г. Якимчук** с большим умением и душевным под'емом читает одну народную легенду. Быстро с'организованный летучй хор спел несколько украинских песен и спел отлично. Бандура, пение, декламации чередовались. создавая интимную обстановку, хорошее настроение.

Разумеется, Билый отсутствовал, но прислал своего „секретаря" Е. М. Якименко, который весь вечер, какъ сирота-барашка, молча просидел в углу, не издав ни одного звука.

Ш. Б.

Казачий клуб в Гор.-Брно (Чехословакия)

Потребность чисто казачьего уголка, где Казаки, без различия политических и иных убеждений, могли бы свободно сходиться, запросто общаться, свободно обмениваться мнениями, читать свою и иностранную прессу и вообще полезно убивать досуг, ощущалась давно.

Местные Казаки-Националисты давно были захвачены желанием удовлетворить эту потребность Брненской казачьей общественности. Для открытия „Казачьего Клуба" налицо были все даные, кроме . . . средств.

Недавно на помощь брненским Казакам-Националистам пришел член Центр. Правл. Казаков Националистов инж. Петр Павлович Головчанский, который из собственных сбережений смело выделил на это дело значительную по нашим масштабам сумму. И закипела у наших брненцев работа.

Наняли обширное и прекрасное помещение (три комнаты, кухня, кладовая и прочее), соответствующим образом мобелировали (столы, накрытые новыми скатертями, хорошие стулья, ковры, картины, гардины, цветы и прочее), закупили полный комплект необходимой посуды, организовали кухню, наняли персонал, закупили провизию (одного вина 320 литров) ! . . Инж.-арх. С. К. Медведев художественно расписал стены казачьими видами, эмблемами. (Особенно замечателен вид беловерхого Эльбруса на голубом фоне, с едущим вдаль Казаком по горной тропе у подножья горы)

29 февраля, в 9 часов вечера (на ул. Якубской, 1) состоялось торжественное открытие клуба при значительном стечении гостей. Как и надо было ожидать, пришли не только Казаки-Националисты, но и вообще добрые Казаки, Украинцы, Горцы и местные друзья Казаков и Казачества целыми семьями.

Собрание, как главный виновник торжества, открыл инж. Головчанский кратким приветственным словом на чешском языке. За ним приветствовал гостей Атаман местных Казаков-Националистов инж. М. В. Запорожец.

От имени Центр. Правл. Казаков-Националистов выступил со словом приветствия и пожелания редактор журналов „Казакия" и „Ковыльные Волны" и Ген. Секр. Казаков-Националистов С. Б. Балыков, специально приехавший на открытие из Братиславы.

От Горцев Кавказа с приветствием и выражением мысли о необходимости Казачье-Горского соглашения и дружбы в борьбе за общую национальную свободу выступил инж. Адиль-Бек-Кулатти.

От Украйнцев выступил с приветствием Богдан Петрович Сапкюв. Интересную речь, с проведением аналогии между деятелностью первых Чехословацких национальных будителей и работой современных Казачьих националистов, произнес сотрудник журнала: „Культурно-Политическая Акция" д-р Ecc. По окончании речи, он продекламировал произведение нашего станичника инж. Нестеренко, которое было напечатано в указанном журнале на чешском языке.

После официальной части, гостям был предложен ужин и вино. За оживленным ужином, с содержательной речью на тему о голосе крови, выступил инж. Нестеренко. Оратор вспомнил, как во времена давние была рассказачена их семья и как он ныне, через ряд поколений, опять вернулся в свою родную семью и уже как Казак-Националист. Инж. Нестеренко (ставрополец) уверен, что громадное большинство коренного крестянства в казачьих землях, среди которых масса расказаченного элемента, которая, однако, из поколения в поколение передает устно от отца к сыну, сознание своего казачьего происхождения, будет с Казаками заодно, при умелом подходе к вопросу. (Надо с удовольствием заметить, что станичник Нестеренко тихо и скромно ведет хорошую пропаганду о Казаках среди чешской общественности, являясь постоянным сотрудником выше упомянутого журнала).

Горячую, темпераментную речь произнес полковник ВВД Иван Ксенофонтич Кузнецов. Слова его дышали неподдельной любовью к родному Казачеству и верой в его жизненность. Парадоксом кажется, что такой Казак до сих пор не входит официально в семью казачьих националистов . . .

Было шумно и весело в казачьей семье в этот вечер ! . .

Инж. Медведев заливался кавказской зурной, инж Кулатти гремел импровизированным тулумбасом (настоящий забыли принести), и носились Казаки в лезгинке. Виртуозничал на гармонии стан. Енин, и носились Казаки в вихре казачка. Время от времени лилась казачья песня, и нежные мотивы заполняли комнаты. Прекрасным голосом, уменьем управлять им и уменьем точно выдерживать мотивы казачих песен изумляла собравшихся эффектная красавица станичница Головчанская. Вносили уют и оживление симпатичнейшие станичницы Запорожцева и Медведева. Захваченные казачьим весельем их радушным гостеприимством, свободны и веселы были и все гости . . .

Грозя закатить двухчасовую речь, ст. Мишустов заставлял гостей усерднее осушать бокалы. В своей новой роли официанта носился станичник Горин. Инж. Калениченко угощал нежными мелодиями украинских песен при усердной поддержке всех комнат.

До пяти часов утра затянулось казачье веселье! А на исходе пятого часа нагрянула новая компания гостей Украинцев и Украинок под водительством почтенного белоусого старика. Вечер пришлось продолжить до 6-ти часов утра.

Широко и обильно организовали Казаки-Националисты открытие своего клуба. Остается пожелать брненским Казакам, чтобы они дружной поддержкой укрепили свой казачий уголок где будет работать казачья кухня, где будет звучать свободная казачья речь и свободная казачья песня.

(Брн. кор.)

На Д.-Востоке

Казаки и на чужбине свои Войсковые праздники ежегодно отмечают, если не особым торжеством, то обыкновенно собираются на чашку чая, приглашают в качестве гостей Казаков других Войск и по семейному этот день отмечают воспоминаниями о прошлом, читают доклады о настоящем и готовятся к будущему, мысль о котором Казаков не покидала никогда.

21 ноября день Арх. Михаила — покровителя Уральского Казачьего Войска, как в прошлые, так и в этом году был отмечен в гор. Харбине, станицей Уральских Казаков, устройством чашки чаю.

Подготовка к празднику шла несколько дней-Казачки стряпали пироги и другие закуски. В день праздника, еще задолго до назначенного часа, Казаки и Казачки с Казачатами стекались со всех сторон. Наконец прибыл обожаемый Казаками атаман Уральской станицы Ф. М. Ерофеев. Позже прибыли приглашенные гости, в числе которых был представитель Вольного Казачества П. С. Ковган.

Казаки живо обменивались мнениями, звучал веселый шутливый говор, простота и непринужденность подтверждала то, что Казаки собрались не по приказу, как это практиковалось в до-революционное царское время, а собрались по собственному душевному тяготению, желая отметить день традиционного праздника в общей семье.

Ровно в 2 часа казачья семья разместилась около длинного стола, уставленного разными яствами и хмельным, что являлось предвестником того, что праздник будет очень веселым и оживленным.

Атаман станицы Ф. М. Ерофеев встал, все стихло, все насторожились и ждали, что скажет батько-атаман. Окинув приветливым взором сидящих Казаков, Казачек и гостей, Ф. М. Ерофеев приветствовал собравшихся Казаков и Казачек с Войсковым праздником. Он в своей речи указал, что обычай Уральского Войска принесен с Седого Дона и что Казаки Урала-это прямые потомки Великого и Славного Атамана Степана Разина!

В заключение атаман призывал Казаков к единению под стяг Вольного Казачества. Речь Атамана была покрыта громким — ура!

С приветственным словом от имени ВК выступил П. С. Ковган, который кратко характеризировал основы праздников и добавил, что Войско Уральское есть родный брат Дона и что оно было Вольной Казачьей Республикой, как и Дон, только утратило свою независимость и самостоятельность с момента насильственного упразднения Войскового Круга и назначения наказного атамана и что Уральское Войско, как и другие Войска, свою независимость продали очень дорого: было пролито много крови в борьбе против самодержавной Всероссийской тирании Романовых и когда упорство Казачьего народа было сломлено, их превратили в опричников и палачей, что Казаки, к стыду нашему, и выполняли до революции . . В этом повинна казачья старшина, которая за призраки дворянских титулов предало интересы всего Казачества. Рядовая масса Казачьего народа борьбы против деспотов российских не прекращала и, теперь, когда мы прошли великую школу в изгнании и когда мы очнулись от вековой спячки и осознали себя кто мы и что мы, необходимо Казачьему народу добиваться своих прав, которые были утрачены нами и в будущей борьбе возродить свою Нацию, отмежеваться от Москвы и навсегда на своих землях водрузить знамя Казакии!

Речь П. С. Ковгана была покрыта громким: „Слава Казакии!"

Подымая бокалы с вином, говорили приветствия Казаки и Казачки, и все они говорили о том, чтобы возродить Казачий народ и пили за Казакию!

По окончании официальной части, Казаки затянули казачью песню . . . Казаки не упустили случая показать свою удаль и, под припев и ладоши, пустились в присядку . . . Отбивая каблуками и размахивая руками из толпы вышла Казачка, подбоченясь, и пошла делать выкрутасы...

Так скромно, но с великим под'емом и воодушевлением, прошел праздник Уральской станицы в Харбине. Можно отметить, что Казаки Д.-Востока уже очнулись от вековой их спячки и начинают открыто говорить о своем будущем, что безусловно приведет к возрождению Казачьей Нации.

Много времени было затрачено, чтобы сдвинуть с мертвой точки казачью массу, которая была опутана мистическими бреднями о России, но брошенные семена на разрыхленную почву казачьей нивы дали благоприятные ростки и, несмотря на гонения против лидеров Вольноказачьего движения, не далеко то время, когда гордые орлы-потомки Степана Разина-Уральцы, Оренбуржцы, Сибиряки, Забайкальцы, Амурцы и Уссурийцы единым фронтом двинутся против векового тирана и не только сбросят иго большевиков, а отмежуются от Москвы и образуют собственное государство — Казакию!!!

21. XI. 35 г. (Харб. кор.)

Белград

6-го марта с. г. в помещении Русского Офицерского собрания состоялся доклад полковника Тихоцкого на тему! „Обращение об'единенного Совета Дона, Кубани и Терека и пути возможности его осуществления." Высказывая свое мнение о том, в каком духе должно быть составлено обращение к Казакам, докладчик красной нитью проводил мысль, что Казаки должны забыть все политические споры, безоговорочно подчиниться своим Войсковым Атаманам и впредь, Боже упаси, заниматься политикой; но самообложить себя известной суммой, каковую неукоснительно посылать в распоряжение Войсковых Атаманов. При Войсковых Атаманах должен образоваться Войсковой Совет, состоящий из станичных Атаманов и Казаков, по назначению Войсковых Атаманов. При Войсковых Атаманах, кроме Совета, должен быть организован благотворительный комитет. Последний будет выдавать пособия нуждающимся Казакам, устраивать на работы и т. д.

Относительно мер, какими можно заставлять Казаков исполнять возложенные на них обязанности, докладчик сослался, как на пример, на Советскую Россию, где всякия распоряжения власти выполняются беспрекословно.

После полк. Тихоцкого выступил представитель Донского Войскового Атамана полковник Краснов. Он одобрил доклад полк. Тихоцкого, но . . . искренно и правдиво заявил, что все распоряжения, как Войсковых Атаманов, так и его личныя, к сожалению, остаются гласом вопиющим в пустыне; и, по его мнению, никакими мерами в данный момент заставить Казаков выполнять эти распоряжения невозможно; почему он предполагает сложить с себя полномочия представителя Донского В. Атам. в Югославии.

Еще выступил г. Персиянов и полк. Саламахин. Эти два докладчика ничего существенного к первым двум докладам не добавили; последний, правда, сказал, что ему Казаки неоднократно заявляли, что если он призовет Казаков идти на врага, то за ним пойдут все. Слушатели на докладе было 13 человек.

Принимая во внимание число слушателей четырех докладов и ссылку как на пример, способы на взыскания налогов в СССР, можно считать всякие коментарии, к докладам-излишними.

Впечатление же от четырех докладов, я думаю, можно выразить заключительными словами басни Крылова „Квартет".

(Белгр. кор.)

„У сусіда хата . . ."

В париже, на 64, авеню Эдгард Кинэ есть „Украинская Хата". Это — небольшое дело, созданное Украинским национальным центром в Париже. Недавно заглянул туда. Две маленькие комнаты и кухня. Вот и весь ресторан и читальня. Но какое хорошее, доброе и полезное это начинание! Хозяевами распорядителями „Хаты" является чета Никитюків, Милая, симпатичная хозяйка, Раиса Владимировна, угостила меня украинским борщом и „товченик'ом" (это, оказывается, новый термин, введенный в их столовой жизнерадостным стариком Якимчуком, что значит — отбивная) и любезно об'яснила цель открыгия „Хаты"

Оказывается, это — благотворительное дело. Цель — в тяжкие дни безработицы дать возможность нуждающимся Украинцам бесплатно покушать, а тем кто не имеет над головой крыши, не имеет места где посидеть, — дать возможность посидеть в тепле и почитать литературу. Потому столовка в перерыве между обедом и ужином превращается в читальню, где можно найти все новинки — газеты и журналы.

— Ну, как идут дела? Много ли требуются средств на это дело? — спрашиваю я.

— Ничего, пока что все идет отлично, — говорит Раиса Владимировна. Расходы наши самые минимальные. Помещение наше очен дешевое потому, что хозяин дома сделал нам большую уступку узнав, что,

это — благотворительное дело. Все торговцы, по той же причине, делают нам на все продукты максимальную скидку. Конечно, понадобились кое-какие средства на первоначальное оборудование. А теперь дело, слава Богу, налаживается. Чтобы сократить расходы и иметь возможность наибольшему количеству безработных отпускать обеды, мы дело поставили отчасти на коммерческую ногу, т. е. ввели платный обед, при чем гораздо дешевле, чем в обычных ресторанах. Например, мы отпускаем, так называемое, дежурное блюдо: щи и второе — отбивные котлеты с гарниром. Это стоит всего 2 франка. Конечно, хлеб-вволю. И эти платные обеды оказывают нам большое подспорье в смысле оказания помощи нуждающимся.

— Сколько же отпускаете в день обедов?

— Пока что 60-ть обедов, Но надеемся, что современем, когда дело наладится, мы будем отпускать и больше.

— Ведь теперь так много безработных, нуждающихся, которые прибегают куда угодно, лишь бы что нибудь горячее получить. — Не бывают у вас неприятности от наплыва публики, от Вашей невозможности удовлетворить всех приходящих?

— Да, кое-когда бывает, но это ничего. Иногда приходят и Русские, но мы прежде всего, должны помогат своим Украинцам. У нас не только столовка, читальня, но, также, и место для простой встречи представителей разных народов. Мы работаем недавно, но уже за этот короткий срок сколько людей у нас побывало, сколько знакомств завязалось, сколько встреч, интересных разговоров бывает. Людям, иногда некуда идти, в кафе идти лишний расход. Так вот приходят к нам запросто посидет, ь поболтать . . . Когда бываете в Париже и, иногда, надо убить время, то милости прошу, заходите запросто почитаьт, посидеть, — приглашает меня хозяйка.

Я благодарю любезную хозяйку и, пожелав от чистого сердца развития и успеха новому симпатичному начинанию, ухожу.

Вышел на улицу, а в душе — сколько м слей, досады, чувство обиды за то, что творится в казачьей части эмиграции. Везде и всюду, у Русских, у Украинцев какая-то забота о своих братьях, попавших в нужду, в отчаянное положение. А у Казаков? Ничего, — хоть шаром покати!

Ведь, создание „Украинской Хаты", это то, осуществления чего я давно добивался в „Казачьем Париже", еще в те годы, когда я работал вместе с Билым. Как давно и сколько раз я спорил с нынешним „Походным Атаманом" о необходимости создания в Париже „Казачьего Дома", о чем я говорил ему еще с первых же дней своего приезда в Париж в 1930 году, когда увидел, что в Париже, где живут тысячи Казаков, нет ни одного уголка, куда Казак мог бы придти, как в свой казачий уголок.

На все свои домогателства я неизменно получал от Билого ответ: мы политическая организация, не можем, не имеем права заниматся благотворительностью!

Дай Бог успеха этому доброму, симпатичному человеческому делу, осуществляемому в „Украинской Хате."

Ш. Н. Б.

О чем говорят в „Казачьем Париже?"

— О том, что Г. И. Карев в течении нескольких месяцев „бомбардировал" графа Граббе, требуя от него применения ст. 27-й Основных Законов Вселикого Войска Донского, говорящей о праве Донского Атамана назначить председателя правительства, а в премьеры навязывал самого себя.

— О том, что Граббе храбро отбояривался от натиска Карева, доказывал невозможность применения Конституции в эмиграции, за что, Бояринов, якобы, назвал его клятвопреступником.

— О том, что в силу домогательств Карева и Бояринова (один метил в премьеры, а другой в министра колоний!) Граббе вынужден был созвать „совещание девяти „старшин:" Краснов, Карев, Бояринов, Ген. Герасимов, Тарарин и др. для „обсуждения Конституции" (!), и что на этом „совещании" большинством голосов решили, что Конституции применять нельзя.

— О том, что в силу такого нападения со стороны вчерашних своих друзей, „впечатлительный" Граббе может отказаться от звания Атамана.

— О том, что среди Казаков в Париже все больше преобладает мнение, что Казаки-Националисты совершенно правильно поступили, отказавшись от участия в „выборах" Атамана, что теперь они совершенно свободны и могут спокойно продолжать свое дело, а участники „выборов" пришли в тупик: „Атаман" надежд, на него возлагавшихся, не оправдал и они начинают своего „Атамана" критиковать резко.

— О том, что „Вр. Положение об управлении Донскими казаками в эмиграции" — большая глупость и что Казаки-Националисты в своем журнале „Казакия" (№ 2—8) дали достойный отповедь этим распоясавшимся господам.

— О том, что в „Атаманских" кругах все крепнет мысль, что без с'езда „Атаман" не выберется из тупика, куда его привели его вчерашние друзья, что необходим е'зд представителей всех казачьих организаций.

— О том, что „Лига" уже совсем разложилась, что оттуда вышли полк. Ильин, полк. Плахов, Матеосов и другие, что на оставшееся пепелище возвращается обратно Карев, потерпевший крушение в окружении Граббе, чтобы снова возродить свою „Лигу", откуда он так легкомысленно бежал, когда было приблизился к лику Граббе.

— О том, что в связи с последними докладами проф. Милюкова, который во имя защиты целости территории России дал такой явный уклон в сторону Сталина, и ген. Деникина, который честно пришел к выводу, что перед рускими эмигрантами полный политический тупик, — среди Казаков русской ориентации большое смущение. Ибо они не хотят вместе с Милюковым „уклониться" к Сталину, или вместе с Деникиным биться о русский тупик, чтобы разбить свои казачьи лбы.

———

— 23 февраля, в Париже, в зале 5, рю Ляс-Каз, Общество Ревнителей Казачества устроило открытое собрание, на котором А. Е. Алимов прочитал доклад на тему „Логическое завершение октябрьской революции". Докладчик в своем интересном докладе обосновывал и доказывал положение, что Октябрьская революция является началом гибели русского империализма дав толчок национальному движению угнетенных народов, которое несомненно закончится полным национальным освобождением и государственной независимостью этих народов.

В последовавших затем прениях приняли участие ес. А. Н. Трофимов, Ш. Н. Балинов и другие.

Председательствовал на собрании полк. А. Т. Жуков. На собрании присутствовали: представитель Азербейджана Д-р Мир, представители Горцев Сев. Кавказа полк Сунш — Элекхоги, Украинец инж. Еремиев, некоторые Грузины. также главный редактор швейцарского журнала „Ревю де Насион", г. Габрис.

— —

— 1 марта Об'единение Черкассцев в Париже устроило открытое собрание — однодневную свободную казачью идеологическую трибуну. Председательствовал на собрании А. К. Семенченков. С докладами выступили И. А. Билый с изложением программных положений ВК и проф. С. Г. Свагиков с изложением положения Казаков-федералистов.

В последовавших затем прениях приняли участие полк. Плахов, Колесов (Национальный Союз Нового Поколения), а также Ш. Н. Балинов, А. Т. Жуков, которые обосновывали и развивали программные положения Казаков-Националистов, в развитие той вольноказачьей азбуки, какую изложил Билый перед собранием.

Нужно сказать, что устроители собрания неравномерно распределили время. Два докладчика заняли почти четыре часа времени, а для всех других ораторов осталось всего 50 минут времени, а потому, каждому оратору было предоставлено всего по десяти минут. Разумеется, за такое короткое время ничего особенного сказать было нельзя. Этим, вероятно, объ'сняется, что, записавшиеся в число ораторов ес. Збронский и г. Скобелин охотно уступили свое время Балинову, прося его продолжить и развить свои мысли, чем, с благодарностью, воспользовался последний для обоснования своих положений.

— —

На этих днях Комитет по распределению Нансеновского марочного сбора об'явил свой отчет. Распределена по разным организациям сумма в 424,800 фр., собранная от русских эмигрантов во Франции, в том числе от **тысячи Казаков.** Но от полу-миллиона франков ни один сантим не достался ни одной казачьей организации! Между тем, Комитет щедро раздавал деньги таким организациям, как Харьковское землячество, Одесское землячество, Московское землячество, Об'единение пограничников, Союз защиты русско-еврейских беженцев, Женское общежитие на рю Люрмел, Корпус-лицей имени Николая II и т. д. и т. п.

Спрашивается, неужели во всей Франции не нашлось ни одной казачьей организации, достойной получить хоть несколько франков из той внушительной суммы, что внесли те же Казаки, что живут во Франции? Неужели во всей Франции нет ни одной казачьей организации, заботящейся о своих больных и престарелых Казаках?

О чем думает гр. Граббе? Что делает „Походный"? Неужели они существуют только для того, чтобы выклянчивать у Казаков последние гроши на какие-то „надобности" и совершенно свободны от каких бы то ни было забот о своих Казаках?

И опять встает навязчивая мысль: если бы в Париже был создан „Казачий Дом", то несомненно из казачьих вкладов, хоть какая-то доля, досталась бы самим Казакам и помогла бы в тяжкие зимние месяцы многим Казакам, впавшим в нужду, посидеть в тепле, получить какую либо горячую пищу.

Но „Атаманов" густо, а у Казаков — пусто.

29. I. 1936 г.

Ш. Н. Б.

15. III. 936 г. София, Болгария. Доклад Н. В. Куницына: „Возможно — ли существование Юго-Восточнаго Казачества, как самостоятельной державы". Интерес к вопросу доклада был значительный, но упал, сразу, когда было об'явлено, вместо вступления-что прения допущены не будут. Докладчик пользовался „всеми" материалами для того, чтобы сделать соответствующее заключение, что о самостоятельной Казачьей державе не может быть и речи, ибо Казаков теперь, только — 3 миллиона. При демократическом управлении — Казаки будут бесправным меньшинством. Тягостное впечатление произвел докладчик, говоря о бросании игральных костей (в политике), забывая о разбросанных Казачьих костях и на родных землях и на чужих.

Кроме того, у многих Казаков породилось недоумение, когда докладчик оценивал „за и против" возможности проведения в жизнь идей „заграничных политиков", забывая (а, м. б., действительно забыл) о том, что государственная независимость Казачья была уже проведена и при участии всего населения Казачьих Земель в 1917—18 г. Если же докладчик желал развенчать теорию самостоятельности Казачества, то необходимо было развенчивать торжественно и на настоящем диспуте, а не „душить" идею келейно — в своем тесном кружке. И не на докладе, а на свободном диспуте Галлилей улыбнется и ответит: „а она, все-таки, вертится. (Соф. кор.).

София, 22. III. на тему: „Стенька Разин-Донской Казак", состоялся доклад ст. Михайлушкина на болгарском языке о Донском Казачьем государстве 17 стол. и Движении Разина. С трибуны свешивается Донской нац. трехцвет, на стене карта огромного масштаба. Зал „Славянского Дружества" (250 чел.) не мог вместить всех желающих и стояли в зале и в корридоре. Среди публики выделялись представители высшего болгарского общества, болг. и иностр. журналистики, представит. Украинцев и Каз.-Нац. — На совершенном болг. языке, докладчик, ввиде вступления, описывает положение Донск. Респ. 17 ст. и причины возбуждения Казачества к моменту появления Разина-вождем недовольных, героем-революционером и, наконец, вождем-борцем за Свободу и Независимость. — Умелыми переходами была нарисована всесторонне и ярко картина эпохи. Строгая академичность нарушилась докладчиком, лишь, два раза. В этих случаях, что называется, не выдержало Казачье: это при упоминании передачи Разина на „суд" в Москву и в заключении: „но Дух Разина жив и подбуждает Казачество на борьбу за свою Независимость". — Прекрасное резюме доклада поместила серьезная болг. газ. „Днесь". — Нельзя не отметить скандального поведения, на докладе, подосланной „вождями" группы русских „молодых" людей, доведшую болгарскую публику до возмущения, особеннно после их „ошибки", когда одной из виднейших дам-гостей, супруге б. министра Болгарии, было выкрикнуто, что она, также, как и докладчик работает на немецкия деньги!!! „Несмотря на то, что, вообще, принято хвалить только „своих", — мы КН, не можем не отдать должное докладчику в блестящем проведении доклада на болг. яз. в целях пропаганды Казачьей Идеи. Дело ознакомления иностранной общественности с Казачеством — очередная задача Казачьей эмиграции и мы, КН, можем только сожалеть, что ст. Михайлушкин пропаганду ведет самостоятельно, тогда как общими, об'единенными усилиями в рядах КН организации, думается, были бы достигнуты еще большие результаты. (Соф. кор. II)

ОТДЕЛ ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ

Приговор № 2

26-го января 1935 г. Гор. Казанлык, Болгария.

Мы нижеподписавшиеся, Казаки, живущие в г. Казанлыке, сего числа собрались на сбор, под председательством под'есаула Вас. М. Кичапова. Обсудив письмо, Окружного Атамана, № 473/1935 г. постановили:

1) Организовать в г. Казанлыке Казачью Национальную станицу и выбрать надлежащее правление.

2) Тайным голосованием избраны: Станичным Атаманом — Вас. М. Кичапов, п'есаул. Помощником. — Иван И. Губа, чиновник. Писарем-казначеем — Мих. П. Сергеев, чиновник.

3) Станицу именовать: „Казанлыкская Казачья Национальная имени Атамана Ермака Тимофеевича станица".

4) Просить г. Председателя Ц. Пр. К.-Н. о скорейшей высылке устава и печати, которые необходимы для наших жизненных интересов. Настоящий приговор представить на утверждение Ц. Пр. К. Н.

В чем своеручно подписываемся:

Станичный Атаман: **В. Кичапов**
Помощник: **И. Губа**
Писарь-казначей: **М. Сергеев**

Члены: **М. Зубыко, С. Шабалтин, П. Чернышков, С. Польников, В. Лашко, С. Лазуткин, М. Русин, И. Быстров, М. Сорока, И. Шилкин.**

Приговор Казанлыкской Казачьей Национальной имени Ермака Тимофеевича Станицы утверждаю:

2-го марта 1936 года София, Болгария.

Председатель Центр. Пр. К. Н.: **П. Кудинов**
За Секретаря: **Оболенский**

Приговор № 2

Сбор К. Н. хут. имени ат. Кондратия Булавина с. Кочериново, Болгария, 15. III. 1936 г., под председательством Гаврила Н. Гадючки, произвел выборы хут. Атамана и Правления на 1936 г.

Избраны: Атаманом (единогласно) **Ефим М. Смирнов.** Писарем: **Георгий И. Ермишкин.** Казначеем: **Даниил М. Моисеев.**

Контрольная комиссия: Председ.: Гаврил Н. Гадючка. Члены: Алексей А. Гадючка, Степан В. Фальчиков.

Приговор сей своеручными подписями удостоверяем:

15. III. 1936 г. с. Кочериново (Дупницко).

Хуторской Атаман: **Еф. Смирнов**
Писарь: **Г. Ермишкин**
Казначей: **Д. Моисеев.**

Общеказачья Национальная Станица в Берлине

1. II. 1936 г. состоялся общий сбор ст-цы. Повестка дня: 1) отчет Правления, 2) о членских взносах, 3) выборы Правления на 1936 г. и 4) текущия дела. — Члены ст-цы, находящиеся вне Берлина, изложили свои мнения по поставленным вопросам, на обратной стороне повестки-приглашения. — Все члены, единогласно постановили: выразить Станичному Правлению благодарность за прошлую деятельность и просьбу продолжать работу и впредь.

Общий Сбор Ст-цы постановил, также, выразить одобрение Окружному Правлению и подтвердить его полномочия на будущее время.

Станичный Атаман: **М. Овсяник**, под есаул.
Писарь: **В. Бабич**, хорунжий.

— Н. К. станица в Руте (Германия) произвела перевыборы. На 1936 г. избраны: Атаманом: Андрей Семенович Копатков; Помощникъ-Писарь: Н. О. Качалин; Казначей: Л. В. Погребников.

Третий окружной с'езд
Казаков-Националистов в Чехословакии

— 14—15 марта сг., в гор. Брно, состоялся третий Окружной С'езд Казаков-Националистов в ЧСР. Прибыло 14 человек правомочных делегатов от районов.

Председателем с'езда был Инж. Мих. Варн. Запорожец, при двух секретарях — Инж. В. Г. Глазкове и Инж. Нестеренко. С'езд решил много больших и малых вопросов в жизни Округа. Обсудил и дал направление по многим вопросам на будущее.

Старое Окружное Правление, дав информацию-отчетность за истекшее время, получив признание и благодарность с'езда, избрано на третий срок в прежнем составе и комбинации — т. е. Окр. Атам. — И. И. Безуглов, Помощн. — Г. Е. Еременко, Секр. — С. Б. Балыков. В качестве четвертого члена Окружн. Правления выбран С. Л. Тищенко.

Ревизионная Комиссия избрана в составе: Инж. Головчанский П. П., Д-р инж. Алейников А. П., и М. В. Акимов.

Заседание с'езда происходило в помещении „Казачьего Клуба" в Брно.

— Д-р Инж. С. А. Федоров 14—15 марта сг. в помещении „Казачьего Клуба" в Брно, сделал два публичных доклада. I — „Соракамышские бои" в Мировой войне, и II — „Борьба Донцов за свою Епархию". Доклады были выслушаны с интересом. Второй доклад неопровержимо свидетельствовал, что задолго до появления Московского государства, нынешние земли Казаков были заселены нашими предками, которые жили организованной государственной жизнью.

— 12 апреля, в городе Праге, состоится доклад Инж. В. Г. Глазкова на тему: „Сталинский поворот лицом в Казачеству".

† В гор. В. Тырново — Болгария, в державной больнице скончался Казак Яков Евдокимович Уклеин. Смерть последовала от ожогов. Мир праху его.

† Н. К. хутор им. ат. Булавина с прискорбием сообщает о несчастном случае-гибели младенца-Михаила, сына Атамана хутора Ефима М. Смирнова. Окружное Правление и Ред. „Казакии" выражают родителям свое соболезнование.

† 17. II. с. г. скончался в Болгарии Казак хут. Батальщикова ст-цы Мигулинской — Георгий Зотьевич Епихин. Мир прахуего.

Казаки, мы не предрешаем событий, но стоя во главе Движения и неся ответственность за судьбу его — Центральное Правление К. Н. предлагает всем Казакам, членам Н. К. хуторов и станиц, держать тесную связь со своими организациями.

ОТКЛИКИ

И. Чигин.

Казак-Казакам

Казаки, чувствуете-ли вы в близком будущем мировую бурю? А это будет; это-неотвратимо; это-неизбежно.

16-ть лет мы гибнем здесь за-границами наших. земель, 16 лет гибнут Казаки „там". 16 долгих лет...

Для одних эти годы полны надежд, для других, уже, и надежд нет.

Но сколько мы ни будем надеяться, от этого мы ни на шаг не подвинемся ближе к цели своей. Мало надеяться, надо еще и хотеть и уметь. Мы можем надеяться на „внешние" и „внутренние" события, мы можем верить в то, что они дадут нам возможности, но никто не придет на помощь Казачеству-никто! — как мы сами.

Неужли же обессцветилась кровь наша Казачья и мы будем с мольбой взирать на каких-либо спасителей!

Неужли погасло в нас священное пламя бунта предков наших и не осталось ничего Казачьего в нас!

Неужли мы потеряли последние силы и не верим в самих себя!

Казаки, ведь, мы гордимся героической историей Казачества. И. действительно, нет Казака не героя: или он был героем или сейчас таков или им будет! Что-же, — нас не будят по ночам кошмары и мы не слышем стонов наших людей, замученных попирателями Свободы нашей!

Неужли мы не видим протянутых, с мольбой к нам, этих детских ручонок — детей наших.

Неужли мы не слышим воплей и стенаний наших измученных матерей, сестер и жен.

Неужли из памяти ушли наши братья Казаки — наши хуторцы, наши соратники, — жизнь свою за Казачество отдавшие: тела их гниют и изгнили, рассеяные по крестному пути Казачества, а души их не имеют покоя!

Неужли нас Казаков, затянула повседневная жизнь мещанская и мы все это забыли или хотим забыть: закрываем глаза, затыкаем уши и совесть души своей не слушаем!

Мы стали во „вторых родинах" местными гражданами, мы получили службы, обзавелись семействами, и на прошлом и будущем Казачества мы ставим крест!

Мы забыли свою Родину Казачью, мы забыли о Казачестве?..

И если это так, то-проклятие на нас, Казаки! Проклятие нам, забывшим все священное для Казака.

Проклятие нам, бродящим, как блудные псы, по чужим дворам-чуждым партиям.

Проклятие нам, неимущим, считающим, что мы ничего не можем сделать для Казачества.

Самый нищий Казак — богач, ибо наиценнейшее у него еще осталось и он может и должен отдать это, последнее, за Казачество-свою жизнь.

Но это не может быть так: Казаки не могут забыть святую для них Родину, не могут забыть страдание Казачества!

Единственный упрек нам, Казакам, может быть это, что если что каждый из нас и сделает, то мы довольны и спокойны; мы считаем это достаточным. Нет! Тогда будет „довольно" и тогда „сделано", когда восторжествует наше право **Казачье**. До поры полной победы, Казаки не должны иметь покоя. Истинные Казаки не должны отделять своей личной жизни от жизни Казачества. Казаки, чтоб они ни делали всегда должны руководиться вопросом полезно-ли это для Казачества. Казачество — Казаки и Казаки — Казачество и это нельзя разделить: нельзя разделить, как нельзя разделить душу и тело. Если разделить, — значить смерть. Казачество — душа наша Казачья, а мы, Казаки — тело Казачества. Будем же творить дело Казачье.

Сойдемся в дружную семью Казачью. Подготовимся вместе к великому приближающемуся моменту. Будем готовы. Не будем откладывать наши Казачьи дела на завтрашний день и возлагать их на других.

Сегодня же, сейчас же и мы сами, — примемся за дело. Сейчас же! — ибо никто не знает часа, а к великому делу нужна великая подготовка.

Победа будет наша, ибо право наше!
Мы не хотим чужих богатств.
Мы не хотим чужой земли.
Мы не хотим жить по чужой воле.
— Мы хотим наше достояние.
Мы хотим нашу землю
Мы хотим нашу **Свободу**.

За это мы боролись, за это мы боремся, за это готовы жизнь отдать.

Это право наше, мы не отступим. —

Мы победим!

Голос не вольного Казака.

— 20 января, в 9 часов вечера, в одном из лучших зал Парижа, в салоне отеля Лютеция, „Комитет дружбы народов Кавказака, Туркестана и Украины" устроил торжественный прием главного редактора „Журналь де Женев", г. Жан Мартэна, который накануне читал свой доклад о Кавказе.

Хозяйкой приема была г-жа **Шульгина**. Присутствовали все видные представители угнетенных народов СССР и их друзья — видн е французские общественно-политические деятели.

Это — прием особого жанра. Большая буфетная стойка, на которой шампанское, крюшон и соответствующие закуски. Никаких речей, никакого стола, за которым гости, обычно, прикрепляются к своему месту. Гости подходят к буфету, берут что кому нравится и, со стаканом шампанского в руке, прохаживаются по залу, встречаются с кем кому угодно, непринужденно болтают, обмениваются мыслями, знакомятся, ведут непринужденную беседу.

Прекрасно пела супруга лидера Туркестанского национального движения — г-жа М. Я. Чокаева. У пианино была мадам Нотара.

Высокий гость, г. Мартэн, был, видимо, глубоко тронут таким вниманием, приемом, не раз выражал хозяевам свое удовлетворение и радость. Прием прошел с большим оживлением, произведя на всех отличное впечатление. В см сле укрепления дружбы, спайки между представителями разных народов, а также связи с французским обществом, прием этот, вероятно, сделал большое дело, что, признаться, мне, не-самостийнику, особой радости не доставило.

И с внешней стороны прием прошел отлично. Бальные платья дам, фраки и смокинги мужчин, зер-

кальные стены блестящего салона, умение, такт и исключительная любезность хозяев, друг друга дополняя, создавали нечто непринужденное, естественное и хорошее.

Мое казачье сердце радовалось, когда я видел, как мой собрат, „сын степей — "Калмык, Ш. Н. Балинов, в своем скромном черном пиджаке, в этом блестящем салоне, вел себя также свободно и легко, как он, вероятно, чувствовал себя свободно дома, когда ехал возле своего табуна. То и дело я видел его галантно склонившимся перед дамой и почтительно целующим у нее руку. То он оживленно беседует со старым грузинским деятелем Чхенкелли, то сидит за одним столом и дружески разговаривает с лидером Азербейджанского национального движения, с. г. Расул—Заде. Тут обменивается фразами с министром Грузии, Гегечкори, а дальше вижу его тихо беседующим с министром Армении, Хатисов м. То. о чем — то, оживленно беседует с крупным чиновником из министерства иностранных дел и его женой, то идет уже под руку с азербейджанцем Мехтиевым, а там, у буфета, уже чокается с туркестанцем Чокаевым. Тут с какой-то светской дамой толкует о каком-то своем кровном родстве с нею, а там вижу его сидящим вместе с каким-то неизвестным мне Поляком и о чем-то с ним горячо толкующим. Проходит немного времени, он уже сидит в другом конце зала и дружески беседует с Горцами Мунсом, Шакманом.

Балинова я знаю в частной жизни очень медлительным, неподвижным человеком, а тут — сколько прыти он показал. Откуда она у него взялась? У меня создалось впечатление, что как хозяева, так и все гости — знакомые и приятели его.

Не скрою, я радовался, видя поведение Балинова на этом приеме, но, все же, мое казачье сердце было сильно задето, не видя там казачьего представителя. Да, Балинов — наш Донской Казак, вместе с нами и Калмыки бились и лили свою кровь, будут и впредь вместе с нами биться за счастье и долю Казачества. Но по своему внешнему облику он прежде всего, Калмык и, думается, на данном собрании, где не было никаких речей, он скорее сходил именно за Калмыка, но мне, как не-самостийнику, нет причин тужить по отсутствию каз. представителя. — на этойдемонстрации „сил" самостийного фронта.

Наблюдатель

——

— **Злоба дня** теперь — это нарушение Германией Локарнского договора. Последняя, используя благоприятный момент, окончательно отбросила последние остатки Версальского договора, оккупировав своими войсками Рейнскую область, которая, согласно мирного договора, представляла из себя разоруженную 50 километровую пограничную полосу, легко доступную для нападения извне,

В разрешении итало-эфиопского спора с одной стороны была Италия, а с другой — Лига Наций, но в настоящем, более важном споре, безусловно, затронуты громадные оборонительные преимущества соседей сильно вооруженной Германии. Вся Европа, да и весь мир теперь в ожидании . . . В этом случае мы опять являемся свидетелями того, что договоры, наложенные силой — силой же отбрасываются народом, непоносящим своего неравноправного положения в международном общежитии.

Теперяшний спор очень трудно разрешим и события, пока-что, не предвещают мирного конца. Можно констатировать в Европе наличие ясно очертавшихся фронтов.

Страницы русских и иностранных газет пестрят сообщениями о „восстановлении" прав Казачества Сов. властью. Для назидания противникам Национального Казачества помещаем заметку из болгарской газеты „Миръ" от 16. III. № 10696 София.

„Московский корреспондент французского оффициоза „Le Temps" телеграфирует следующее: „Донские, Кубанские, Терские Казаки долгое время противились земледельческой социализации. Зимой 1932 г. Сталин послал туда Л. Кагановича с миссией взять на месте надлежащие меры к приостановлению „саботажа". Теперь СССР нуждается в казачьей силе родовой дисциплины, а потому центральная власть разрешила им носить их старую форму, старые казачьи шапки и знаменитые нагайки . . . В настоящее время много Кубанских и Терских сотен двигаются к Ростову на Дону, где 14-го марта будет большое торжество с джигитовкой, на котором многие Казаки покажут свое искусство.

„Облагодетельствованные" (кав. Ред.) Казаки послали маршалу Ворошилову благодарственное письмо, которым уверяют его, что своими саблями срубят голову, и пронижут „пузо" всем тем, кто попытается перейти границу и присвоить землю, которая им была дана в вечное владение. Они уполномачивают маршала Ворошилова передать привет Сталину, **чей проницательный взгляд снял маску саботажников,** а так же благодарят Кагановича, который их научил как нужно бороться против неприятелей".

„Этот случай с Казаками — пишет дальше болгарский журналист, — которым сов. власть возвращает землю и „привиллегии" может быть примером другим правительствам, чтобы знали, что как бы ни была сильна власть — все же, она не может бороться с единым народным волеизлиянием. Большевики думали одно время, что Казачество есть орудие монархии, но оказалось, что оно представляет силу, которой государство не должно противопоставляться".

Этот симпатичный отзыв болгарского журналиста о Казачестве мы не может не отметить, поставив на вид нашим противникам из белых, красных и иных цветов русских людей. В этом отзыве есть гораздо больше гражданской доблести, чем у русских людей, которые, когда заходит речь о Казачестве, стараются искажать истину, боясь высказать ее, а как бы говорят: „зажмурься, куманек, а я тебе брехать буду." Русские люди всех толков, красок и оттенков всегда противились казачьему народному волеизлиянию, что им всегда дорого стоило. Недавняя борьба Казачества с Россией, именно, была погублена трогательным сотрудничеством русских белых и красных людей. Теперь, когда над С.С.С.Р. заходят грозовые тучи, Казачество опять нужно — нужна его сила, его дисциплина.

И вот красн е самодержц , совсем по империалистически, „милостиво жалуют казачество его же землями и привиллегиями." Да еще какими — казачья форма, шашки, нагайки! Браво, товарищи! Разодолжили.

Еще поглумитесь, поиздевайтесь над Казачьим Народом, пока он не стряхнет с себя ваше российское ярмо.

С. А. К.

——

— Высокосный год несет неожиданности: 29 февраля с. г. на банкете добровольцев выражали казачьи сим-

патии и верность добровольцам: ген. Малышенко и ген. Тарарин, передавший, к тому же, привет и от ген. П. Х. Попова: „всей душой чувствующего себя в добровольческой среде.“ Вчерашний кандидат в Донские Атаманы, один из Учредителей Донской Конституции ныне бьет челом покорности Русской идее, забывши Казачью идею и Казачью среду.

Из газ. „Последния новости“ от 5. III. 1936 г.

Казаки на екране.

В городе Софии, а следовательно и въ других городах и странах за истекшие пять лет был показан ряд фильмов, где исключительно или преимущественно фигурировали, — в более или менее точном, более или менее тенденциозном, изображении — Казаки.

Часть из них совершенно не выдерживает критики, с точки зрения, казачьей действительности. Но тут важна и другая сторона вопроса — у каждаго зрителя — иностранца при просмотре фильма, где фигурирует слово „казак“ поневоле рождается вопрос: а что такое „казак?“ А раз такой вопрос зародился, то независимо от того, как разрешает его сценарий данного фильма-зритель, если он вдумчивый человек, (а в данном случае только такие и ценны) постарается округлить свои познания по казачьему вопросу.

Вывод, несмотря часто на досадное, с точки зрения националиста, изображение действительности, можно сделать следующий: независимо даже и от злостной тенденции, фильм, в известной степени, способствует казачьей национальной пропаганде.

Фильмы эти следующие: 1) „Казаки“ („Запорожская сечь“ — советская постановка) 2) „Казаки“ (Американская постановка с Джоном-Джильбертом). 3) „Капитанская дочка“ (совет. пост.). 4) „Кавказ“ („Казаки“ по Толстому — совет. пост.). 5) „В плену у Казаков“ (Нем, пост. — Эпизод из герм. войны). 6) „Волга горит“ („Пожар на Волге“, пост. Туржанского с Инкишиновым). 7) „Казачий капитан“ (Исп. пост. — экзотическое изображение испанских представлений о Казаках). 8) „Стенька Разин“ (пост. Уфа — с Адальбертом Шлетовым). 9) „Тихий Дон“ (по Шолохову — совет. пост.). Готовится к демонстрированию: 10) „Тарас Бульба“ пост. Грановского с Гари Бором и, кроме того, почти все фильмы на русскую тему, снабжаются, для колоритности, фигурами Казаков.

— Казак А. Мельников, владелец магазина готового платья, гор. Стара-Загора (Болгария), взял образцом для рекламы на пакетах клише с обложки журнала „Казакия“. Оригинальный способ национальной пропаганды является хорошим примером для подражания.

Письмо в редакцию.

М. Г. г. Редактор, не откажите в любезности, поместить в Вашем журнале „Казакия“ следующее: в журнале „Казакия“ № 2 (8) помещен отчет об елке в Лесковце за подписью „Соб. кор.“. Спасибо „Соб. кор.“ за похвалу, но имейте ввиду, что отчет помещен в „Казакии“ без моего ведома и согласия, как главного устоителя елки и, что данное празднество не носило политического характера, как некоторые хотели бы это расценивать, а носило чисто семейный характер детского праздника. Правда, произносились тосты, которым, опять же, нельзя придать характер политических — с тем или иным оттенком. Казачьи же песни всякому казаку дороги.

Заранее благодарю Вас за любезность. С совершенным почтением: **Е. М. Бондарь.**

Ред.: Наши корреспонденты описывают события из жизни Казачества на основании своих личных впечатлений й, естественно, поэтому не обращаются к организаторам за сведениями и разрешениями.

— Розыск: полковника Александра Игнатьевича Михайлушкина розыскивает А. В. Михайлушкина (Бельского тшида, 42 — Прага).

— Зеновия Николаевича Лобанова и Ульяна Матвеевича Зотова, находящихся в Югославии, ищут родственники и сослуживцы — через редакцию.

— Германа и Бориса Шелякиных, находящихся во Франции, ищут сослуживцы — через редакцию.

— Центральное Правление Казаков Националистов выражает благодарность стан. Агафону И. есаулу Зотову, за переданную им в собственность географическую карту Казачьих земель, сделанную им.

†

Донской Казак генерал-лейтенант

Андриан Константинович Гусельщиков

26-го февраля с. г. в Виши-Франция скончался Донской Казак стан. Гундровской ген. лейт. А. К. Гусельщиков.

Ушел боевой соратник, один из легендарных героев Донской армии, в иной мир на вечный покой. Ушел тот, кто своими победами в борбе с красной Россией, создал бессмертную славу Гундоровскому Георгиевскому Казачьему полку.

Его героизм, его любовь и преданность Родному Краю, его отеческое отношение к рядовому Казачеству, будут жить вечно в памяти Казачества, а легендарные победы будут украшать страницы Казачьей истории из рода в род.

Спи же, дорогой Казачий герой, в земле чужой. — Казачество знает, что ты ушел безвременно. Казачество знает, что твое пламенное сердце стремилось на родную землю. Казачество знает, что ты неудержимо рвался в смертоносный бой, дабы еще раз померяться с теми, кто разорил твою родную землю, разгромил и сжег Казачьи хутора и станицы.

Твои героические победы, старались, кощунственно, унизить те, кто паразитом был тогда, когда Дон пылал в огне сражений; теми, кто обманул Казачество, жизнь и кровь Его отдав в жертву Российским беглецам-помещикам.

Казачество не простит тем, кто стотысячную Казачью армию впрег в ярмо кучки царских рабов, чтобы силой бессловесного животного тащить этот хлам на Москву.

Не простит тем, кто прикрываясь именем Казачества, на Казачьей крови выковывал свое счастье — счастье предателей родной земли Казачьей.

В дни жизни твоей за-границей, твои подвиги покрыты были забвением, огорожены завистью и сам ты был загнан на эмигрантские задворки и там ты, — достойный почестей герой, столкнулся с черной неправдой тех, которые за счет твоей доблести, твоих побед там, на Родине, присваивали себе-твою славу, тебя же толкнули на путь отчаяния, нищеты и преждевременной смерти. Лицемерными панихидами, лицемерными похвалами над твоим безжизненным телом, не изгладить им своей вины перед тобой.

В день торжества Казачьей Свободы, кости твои будут на Родине. Мирно спи!

„Было бы смешно, если бы не было так грустно“

„Походный“ храбро защищался и ретиво освобождался от сотрудников, требовавших контроля экономического и политического. В результате чрезмерной храбрости-Билый остался сам (у семейного очага), а предприятие не закрывать же? Ну и пришлось сотрудников и сочуствующих покупать. Тут то невольно пришлось вольному диктатору покупать всякое ископаемое. Между остальными оказался и Петр Макаренко, сменовеховец и все другое, но никак не вольный Казак. И одному и другому выхода не оказалось и пришлось трогательно об'единиться, хотя Макаренко, говорят, и сейчас держит крепкую связь с советами. Но Билому это не мешает проводить свою волю“ в жизнь прежними методами и жить в свое удовольствие на средства, которые получает под Казаков. Невольно закрадывается подозрение к чистоте его „работы“ и целям, которые „походный“ преследует.

Вольный помощник Билого, Павел Савельевич, невольный виновник интрижек и развала белградского округа, невольно „выразил“ волю уйти на отдых от „дел управления“ „без мундира и пенсии“ по округу.

Придется ему невольно в тиши заглохшего сада, под сенью распускающихся акаций, оглянуться на анекдотическую часть „работы“ пройденного пути и пожалеть, что пришлось иногда в угоду „походному“ невольно высылать свою вольную совесть на дозоры. Невольно выплывут перед глазами образы „действий“ вольных и невольных, кощунство над правдой и идеей которой призван служить нелицемерно и повеет невольной грустью. Предугадать трудно, а, все же, любопытно заглянуть в будущее: примирится ли Пав. С. с настоящим невольным положением и останется в резерве „походного“ „без мундира и пенсии“ или опять потянется к булаве, как старый активисть, или станет на левый фланг к „войсковому писарю“ или вдарит прямо в желторотое поколение?

Невольно сррочащий четвертую пятилетку сряду „войсковой писарь“, которого у Кубанцев заменить было некем, а потому не имевший совести и возможности вырваться от должности на волю, вынужден нашивать на другом рукаве нашивки, отмечая нашивкой каждый год сверхсрочной ревностной службы; т. к. через голый череп начинают просвечиваться все сокровенныя державныя мысли „войскового писаря“, что невольно может пойти на ущерб дару вольного слова сего великого войскового мужа.

Неволные пожизненные водители судеб вольного народа Казачьего обсуждали вопрос об издании информации для связи со своим народом. Невольный вр. „Председатель Кубанского Правительства“, невольный же „войсковой писарь“ и другие вольные и невольные свидетели бед Казачества пришли к мысли, что уже если они не вольные, то хот в информации могут лакомиться волей и допустили возможным называть: „Вольная Кубань“ или „Вольный Донь“, „Вольный Терек“ и т. д. Но свой народ назвать Вольное Казачество и позволить ему так о себе мыслить-это крамола, вольнодумство, измена Казачеству! Да, это уже совсем вольная логика в невольных головах. . .

Откроешь эту „Вольную Кубань“ и невольно тебе лезут в глаза ряды вольного пустозвона. Раньше эти невольные рыцари пера и мысли звонили за Николая Николаевича, позванивали и за Никиту, звонили и в пользу Билого (кто больше даст, что-ли?) потом младоросов, а сейчас звонят в унисон с молодым поколением. Невольно бросается в глаза, как будто уже и действительно начинают впадать в детство. Бедные, бедные „правители“ „Вольной Кубани“. Что же дальше будет, когда это поколение начнет стареть?

Петухом з акукарекал в желторотом поколении Миша Колков. Верно только выпрыгнул из какой нибудь яичной скорлупы, из под неизвестно какой породы квочки, такой уж он, бедный, пискливый оказался в этой „Новой России“, не в пример Казаку.

Помню в дессанте на Кубань под Новониколаевской геройски и мужественно погиб, в борьбе против одной новой России от руки лапотника — мужика, Кубанский офицер Колков, а почти единовременно с ним погибла и его сестра. Тот действительно часто был примером храбрости для Казаков, боровшихся за свой порог и угол. Правда, тот боролся с оружием в руках за вольную Кубань свою отчизну, а этот-же балуется только пером, да и то, разве что, в кругу под сугестией желторотых приятелей и лишь бы только заниматься какой нибудь „общественной деятельностью от скуки, а какой — безразлично. От эмигрантской моды бы не отстать.

От призыва „пожизненных“ невольно задрожали три невольных организации в Белграде, предназначенных для потомков вольного народа — Казаков. Невольно бросается в глаза, что среди вольного народа наплодилось много Атаманов (ожило стародревнее „Казаки-Атаманы“), а народ не плодится и дичает-расбегается. Чего доброго еще могут инстинктивно почувствовать свою принадлежность в седой глубине веков и, убежав в Мокрый Луг, образовать Сич, а несчастные Атаманы, невольно останутся на воле от своих „должностей“. Вот паника! Придется и невольно образовать Атаманскую станицу или искать какое нибудь другое „ремесло“, чтобы отвлечься и не умереть с тоски по воле Казачьей.

(Продолжение следует)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на литературно-исторический информационный журнал

КАЗАКИЯ-КОЗАКІЯ

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	отделнаго номера
Во Франции	20 фр.	35 фр.	4 фр.
В Чехословакии	30 к. ч.	50 к. ч.	5 к. ч.
В Болгарии	75 лева	150 лева	12 лева
В Румынии	80 лей	160 лей	12 лей
В Польше	8 зл.	15 зл.	1 зл.
В Германии	3 р. м.	5 р. м.	50 пф.
В С. Америке и др. странах	1·50 долл.	3 долл.	0·20 долл.